

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Романова А. Н. Историко-литературный контекст поэтического диалога А. С. Пушкина и А. И. Готовцевой на страницах альманаха «Северные цветы на 1829 год» / А. Н. Романова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 7. — С. 278—315. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-278-315.

Romanova, A. N. (2025). Historical and Literary Context of Poetic Dialogue Between A.S. Pushkin and A.I. Gotovtseva in Almanac “Northern Flowers for Year 1829”. *Nauchnyi dialog*, 14 (7): 278-315. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-278-315. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Историко-литературный контекст поэтического диалога А. С. Пушкина и А. И. Готовцевой на страницах альманаха «Северные цветы на 1829 год»

Романова Алена Николаевна

orcid.org/0009-0007-6794-1250

кандидат филологических наук, доцент
кафедры отечественной филологии
romanovaal@mail.ru

Костромской
государственный университет
(Кострома, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
в Костромском государственном
университете за счет гранта
Российского научного фонда
№ 24-28-00058 «Поэтическое наследие
А. И. Готовцевой:
подготовка к научному изданию»,
<https://rscf.ru/project/24-28-00058/>

Historical and Literary Context of Poetic Dialogue Between A.S. Pushkin and A.I. Gotovtseva in Almanac “Northern Flowers for Year 1829”

Alyona N. Romanova

orcid.org/0009-0007-6794-1250

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Russian Philology
romanovaal@mail.ru

Kostroma State University
(Kostroma, Russia)

Acknowledgments:

The research was carried out at Kostroma
State University at the expense of a grant
Russian Science Foundation
№ 24-28-00058 “The poetic legacy
of A. I. Gotovtseva:
preparation for scientific
publication”,
<https://rscf.ru/project/24-28-00058/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье впервые выполнен комплексный анализ послания костромской поэтессы А. И. Готовцевой «А. С. П.» (Александру Сергеевичу Пушкину), опубликованного в альманахе «Северные цветы на 1829 год». Это поэтическое обращение соотносено с другими стихотворениями Готовцевой, в том числе с посланием к Ю. Н. Барте-неву. Стихотворение костромички также сопоставлено с ранее опубликованным стихотворным посланием к Пушкину князя П. И. Шаликова. В статье суммируются сведения об изучении пушкинского «От-вета А. И. Готовцевой». Показано, что ком-ментарий, предложенный В. П. Гаевским и П. В. Анненковым, впоследствии никогда существенно не уточнялся. Автором пред-лагаются дополнения к традиционному комментарию с учетом историко-литера-турного и биографического контекста, по-вливавшего на создание пушкинского сти-хотворения. Исследование стихотворного диалога Пушкина и Готовцевой выполнено с учетом новых сведений об адресате пуш-кинского «Ответа». В статье приводятся данные о биографии костромской поэтес-сы, указаны архивные источники и мате-риалы периодической печати, не учтенные литературоведами ранее. Автор выдвигает гипотезу о том, почему, несмотря на бле-стящий дебют, Готовцева не вошла в круг постоянных авторов альманаха «Северные цветы». Утверждается, что история сти-хотворного диалога Пушкина с Готовце-вой вписывается не в ряд мадригальных стихов, а в ряд стихотворных диалогов-«дуэлей» Пушкина.

Ключевые слова:

творчество А. С. Пушкина; стихотворения А. И. Готовцевой; мадригал; стихотворные дуэли.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article presents a comprehensive analysis of the epistolary poem by the Kostroma poetess A.I. Gotovtseva, titled "A.S.P." (To Alexander Sergeyevich Pushkin), published in the almanac "Northern Flowers for the Year 1829". This poetic address is contextualized within Gotovtseva's other works, including her message to Y.N. Bartenyev. The poem by the Kostroma poetess is also compared with a previously published poetic letter to Pushkin by Prince P.I. Shalikov. The article summarizes existing scholarship on Pushkin's "Response to A.I. Gotovtseva," highlighting that the commentary provided by V.P. Gaevsky and P.V. Annenkov has not been significantly revised since its initial publication. The author proposes additions to the traditional commen- tary, taking into account the historical, literary, and biographical contexts that influenced the creation of Pushkin's poem. The study of the poetic dialogue between Pushkin and Gotovtseva incorporates new information regarding the addressee of Pushkin's "Re- sponse." The article provides biographical data on the Kostroma poetess, identifies archi- val sources, and presents materials from periodicals previously overlooked by literary scholars. The author hypothesizes why, de- spite her brilliant debut, Gotovtseva did not become a regular contributor to the almanac "Northern Flowers." It is asserted that the his- tory of the poetic dialogue between Pushkin and Gotovtseva aligns more with a series of poetic "duels" rather than with a collection of madrigals.

Key words:

A.S. Pushkin's works; poems by A.I. Gotovt- seva; madrigal; poetic duels.

УДК 821.161.1Пушкин.07+821.161.1Готовцева.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-278-315

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Историко-литературный контекст поэтического диалога А. С. Пушкина и А. И. Готовцевой на страницах альманаха «Северные цветы на 1829 год»

© Романова А. Н., 2025

1. Введение = Introduction

Послание костромской поэтессы А. И. Готовцевой «А<лександр>у >. С<ергеевичу>. П<ушкину>», как правило, полностью или частично воспроизводится в комментариях к пушкинскому «Ответу А. И. Готовцевой» («И недоверчиво и жадно...»), но до недавнего времени оно не становилось предметом специального анализа. Литературное наследие поэтессы и в целом еще не получило систематического истолкования. Отчасти это объясняется тем, что основной корпус стихотворений, не печатавшихся при жизни писательницы, был опубликован лишь однажды [Готовцева, 2005].

Готовцева рассматривается, а иногда лишь упоминается, в ряду «однородных явлений»: например, среди русских поэтесс XIX века [Русские поэтессы..., 1979, с. 9, 76—79, 239—240], переводчиков французской элегии XIX века [Сурина, 1929; Французская элегия..., 1989, с. 498, 654, 594], писательниц, публиковавшихся в альманахах 1820-х годов [Чупринова, 2018, с. 42—57], среди авторов-женщин, чей творческий путь был труден в условиях «антиэмансипаторского и женофобного» окружения [Савкина, 1998].

Можно спорить о том, насколько творчество костромской поэтессы значительно само по себе, но, несомненно, внимания заслуживает диалог Готовцевой с Пушкиным как яркий эпизод литературной жизни конца двадцатых годов XIX века. Сошлемся на мнение И. Н. Розанова: «Совершенно очевидно, что многих произведений Пушкина нельзя понять и оценить без рассмотрения тех стихотворений его современников, с которыми они непосредственно перекликаются. Нечего уже говорить об ответных посланиях Пушкина (напр. Я. Толстому, Готовцевой, Гульянову и т. д.), требующих необходимых разъяснений о том, на что же именно они являются ответом» [Розанов, 1934, с. 1026].

К личности А. И. Готовцевой и истории ее стихотворного диалога с Пушкиным комментаторы и исследователи обращались неоднократно [Анненков, 1855, с. 471—472; Бочков, 1989; Бочков, 2002; Вацуро, 2004; Гаевский 1854; Гессен, 1965; Лебедев, 2002; Лебедев, 2018; Рогова, 2017; Романова, 2020; Романова, 2025; Сапрыгина, 2005; Сапрыгина, 2012; Файнштейн, 1989]. Однако для истолкования послания Готовцевой к Пушкину, а значит, и создания исчерпывающего комментария к стихотворению «Ответ А. И. Готовцевой» сделано далеко не все.

Перечислим наиболее существенные проблемы, связанные с историей поэтического диалога Пушкина и Готовцевой. Во-первых, должны быть уточнены биографические сведения об А. И. Готовцевой (в замужестве Корниловой). До сих пор в источниках приводятся разные даты рождения поэтессы, ошибочные сведения о ней. Во-вторых, существуют противоположные подходы к оценке значения данного эпизода в литературном контексте эпохи и творческой биографии Пушкина. Так, до настоящего времени преобладает суждение, высказанное еще В. П. Гаевским, о том, что Пушкин отвечал на послание Готовцевой «только из учтивости» [Гаевский, 1854, с. 25—26] и обращение костромички никак не отразилось в творчестве и внутреннем мире поэта. В рамках такого подхода стихотворный диалог Готовцевой и Пушкина сводится к обычному в салонной литературе обмену комплиментами и может представлять интерес только как частный историко-литературный факт. В противовес этому, Ю. В. Лебедев оценил литературный диалог Готовцевой с Пушкиным как новое явление в литературном процессе эпохи, свидетельствовавшее о появлении «феномена зрелой женской поэзии», далеко выходящего за рамки альбомных и салонных дамских развлечений [Лебедев, 2002, с. 80]. В. Э. Вацуро считал, что послание Готовцевой, содержащее не только похвалу, но и вызов, — яркий пример самоутверждения женщины-поэта: «... это было новостью и знамением времени. Борьба за общественное равноправие женщин еще впереди — но “женское движение” уже делает свои первые шаги» [Вацуро, 2004, с. 166—167]. По мнению ряда исследователей, Пушкин отнесся к стихам Готовцевой со вниманием [Бочков, 2002], ее послание оставило глубокий след в сознании Пушкина, повлияло на его мнение о русских женщинах [Лебедев, 2018], отразившись, в частности, в работе над образом Татьяны Лариной [Романова, 2025].

Аналогией может служить история стихотворения «В часы забав или праздной скуки...», появившегося в ответ на обращение митрополита Филарета. В оценке глубины и серьезности созданного Пушкиным стихотворного отклика суждения так же противоречивы. С одной стороны,

П. А. Вяземский писал, что поэт «был задран стихами его преосвященства», и оценивал послание Пушкина как светский жест, «милый мадригал» [Остафьевский архив ..., 1899, с. 192—193]. С другой стороны, уже современники приписывали стихотворению Пушкина значение нравственной исповеди, считали его едва ли не поворотным в судьбе поэта. (Подробно об этом: [Ивинский, 2024]).

Несомненно, Пушкин был «задран» посланием Готовцевой точно так же, как несколько ранее стихами П. А. Катенина [Тынянов, 1929, с. 160—177] и чуть позже — обращением митрополита Филарета. В итоге ответ Пушкина Готовцевой получился по форме таким же «милым мадригалом». По отзыву А. А. Дельвига, «Пушкин написал милые стихи Готовцевой» [Цит. по: Рогова, 2017, с. 558—561]. Но содержание «поэтической дуэли» и в этом случае едва ли исчерпывалось салонной любезностью.

Противоречивость оценок не в последнюю очередь связана с тем, что послание Готовцевой, по сути дела, никогда не становилось предметом специального всестороннего филологического анализа, осуществить который невозможно, не привлекая другие произведения поэтессы, не опираясь на общее понимание ее нравственной и эстетической позиции. Следовательно, вопрос, поставленный еще в начале XX века И. Н. Розановым, «на что именно» откликается в своем «Ответе» Пушкин, остается неразрешенным.

Наконец, до сих пор не объяснен странный и резкий обрыв литературной карьеры Анны Готовцевой, чьи первые поэтические опыты были встречены современниками-литераторами весьма благожелательно. Так, в обзоре поэтической части «Литературного музеума на 1827 год» критик «Северной пчелы» называет ее в одном ряду с корифеями современной поэзии: Гнедичем, Вяземским, Ф. Глинкой, В. Л. Пушкиным, А. С. Пушкиным [Новые книги..., 1827]. Издатель «Дамского журнала» высоко оценивает ее стихотворения «Видение» и «К П***»: «Обе сии пиесы написаны, кажется, новою стихотворицею, Анною Готовцевою, и в обоих дышет нежное, томное чувство при языке выражений самом пленительном, при гармонии стихов самой сладостной» [Дамский журнал, 1827, № 9, с. 169]. И, хотя первые публикации костромской поэтессы появились только в 1826 году, С. В. Руссов уже успел включить ее имя в изданный им в том же году «Библиографический каталог российским писательницам» [Пуряева, 2018, с. 150]. Появление на страницах альманаха «Северные цветы на 1829 год» стало самым ярким эпизодом в литературной биографии Готовцевой. В 1829 году несколько ее стихотворений напечатал журнал «Галатея» [Галатея, 1829: ч. 2, с. 150—151; ч. 4, с. 50—51; ч. 7, с. 147; ч. 8, с. 251—252]. В 1830 году в альманахе «Денница» появился «Отрывок из

письма к А. И. Г-ой» П. А. Вяземского, где известный литератор давал советы молодой писательнице и побуждал к дальнейшему творчеству [Вяземский, 1830]. Но, вопреки ожиданиям, стихи костромички никогда более не публиковались в «Северных цветах». А вскоре Готовцева полностью покинула журнальное поприще.

Этот факт проще всего объяснить житейскими заботами молодой женщины, которая в 1829 году вышла замуж за П. П. Корнилова, или особой скромностью поэтессы, писавшей: *«В безвестной тишине забытая всем светом, / Я не хочу похвал, ни славы быть поэтом»* [СЦ 1829, с. 29]. Но этим предположениям противоречат сведения о широких культурных интересах семьи Корниловых, чей дом был признанным литературно-театральным салоном Костромы [Бочков, 2002; Сапрыгина, 2012], а также две тетради стихотворений Анны Готовцевой (Корниловой), заботливо собранных и переписанных рукою автора, переданные в начале 1850-х годов Ю. Н. Бартеневу, возможно, для публикации [РГАЛИ, ф. 46, оп. 2, ед. хр. 425; РГАЛИ, ф. 46, оп. 2, ед. хр. 503]. Следовательно, ответа на вопрос о том, почему замолчала одаренная современница Пушкина, пока нет, а искать его следует в обстоятельствах не житейских, а литературных.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Для разрешения поставленных вопросов необходимо было обратиться к дополнительным источникам, в том числе исследованиям костромских краеведов, не вошедшим в широкий оборот в пушкиноведении, и уточнить факты биографии А. И. Готовцевой (Корниловой).

Изучение периодических изданий пушкинского времени помогло расширить представление о контексте поэтического диалога Пушкина и его провинциальной поклонницы, в том числе и о смысле недосказанного упрека, содержавшегося в послании Готовцевой, и поводах к нему.

Критический обзор и анализ литературы, посвященной пушкинскому «Ответу», позволил определить, на чем базируются мнения о пушкинском стихотворении, в том числе некоторые утверждения, ставшие почти аксиомами.

Целенаправленное изучение пушкинских произведений позволило выявить «готовцевский след» в поэме «Медный всадник».

Наконец, важнейшим методом исследования стал непосредственный анализ стихотворения А. И. Готовцевой с учетом ближайшего контекста — ее же стихотворений, адресованных П. А. Вяземскому и Ю. Н. Бартеневу, и текстов П. И. Шаликова, послуживших ей примером, благодаря чему проясняется образ лирической героини, а значит, и истолкование стихотворения становится более глубоким.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Дополнения к сведениям о личности и творчестве А. И. Готовцевой

Дата рождения А. И. Готовцевой (Готовцовой) (разночтения в фамилии поэтессы допускают как ее современники, так и она сама [см.: Модзалевский, 1910, с. 213, 219]) указывается в источниках по-разному (1799, 1807, 1808) или обозначается знаком вопроса. Так, даже в наиболее современном научном издании указаны даты жизни 1799—1871 годы [Рогова, 2017, с. 558]. Между тем еще в 1999 году в «Костромских ведомостях» от 2 июня появилось без подписи сообщение о том, что краевед П. П. Резепин установил действительную дату рождения поэтессы, выяснив, что она на восемь лет моложе, чем было принято считать [Краевед..., 1999]. Позднее в издании «А. Н. Островский и его костромское окружение» [Резепин, 2020, с. 288] ученый сослался на документ, на основании которого он определил год рождения поэтессы. Это хранящийся в Костромском государственном архиве список с метрической книги церкви Иоанна Богослова, что на Каткиной горе. Здесь имеется запись о смерти статской советницы, вдовы Аны Ивановой Корниловой 17 июля 1871 года в возрасте шестидесяти четырех лет [ГАКО, оп. 3, д. 24, л. 32, об. 33]. Таким образом, время рождения поэтессы определяется приблизительно: вторая половина 1806 или первая половина 1807 года.

К моменту литературной встречи с Пушкиным осенью 1828 года, когда Анна Готовцева в Костроме при посредничестве Ю. Н. Бартенева познакомилась с приехавшим сюда по делам П. А. Вяземским, это была молодая женщина в расцвете красоты и таланта, которой в избытке досталось и восхищение мужчин, и лестное внимание литературных критиков.

Поэтические комплименты Вяземского «Стансы (А. И. Готовцовой)» [Вяземский, 1828] и Н. М. Языкова «Анне Ивановне» («Влюблен я, дева-красота...») [Языков, 1831] рисуют Готовцеву как очаровательную красавицу, царицу бальных зал и любимицу наук. Но в биографии поэтессы есть и печальные страницы. К 1828 году Анна пережила смерть отца и любимой старшей сестры Александры, оставившей на попечение родных двух маленьких детей (Павла и Юлию Жадовских). Не случайно, наверное, в стихотворениях Готовцевой часто звучит тема горестей, житейских испытаний, пережитых лирической героиней: «Дети», «К***», «Ей», «На вызов писать стихи» и многие другие [Готовцева, 2005]. И это едва ли можно считать только данью романтической моде. Шум света, блеск, успех в ее поэзии всегда выступают синонимами суеты, противопоставляются истинному счастью, которое лирическая героиня видит в уединении, творчестве, наслаждении поэзией и красотой природы. В этом отношении Готовцева

выступает прилежной ученицей своего наставника: религиозно настроенного философа, масона и мистика Ю. Н. Бартенева [Коптелова, 2024]. Содержание большинства стихотворений костромской поэтессы указывает на ее большую склонность к лирическим медитациям, религиозным переживаниям и философским размышлениям, чем к стихотворным шуткам и любовным излияниям.

И в годы юности, и в дальнейшем поэтесса проявляет восторженность и пылкость, лишь когда вдохновляется природой, одухотворенной беседой, литературными творениями или музыкой. Это качество проявляется в ее стихах, обращенных к Ю. Н. Бартеневу, П. А. Вяземскому, юному скрипачу Ж. Гюломи. Проявляется оно и в послании к Пушкину.

3.2. Стихотворный диалог А. И. Готовцевой и Пушкина: известные факты и новые детали

Стихотворение начинается на высокой ноте:

О Пушкин! слава наших дней,

Поэт, любимый небесами!

Ты век наш на заре своей,

Украсил дивными цветами [СЦ 1829, с. 180].

Но в финале восторг провинциальной читательницы сменяется сдержанным, но вполне отчетливым упреком:

Одно... Но где же совершенство?

в луне и солнце пятна есть!...

.....

.....

Несправедлив твой приговор;

Но порицать тебя не смеем:

Мы гению простить умеем —

Молчанье выразит укор [Там же, с. 181].

Это послание, вероятнее всего, написанное под впечатлением бесед с Вяземским о Пушкине, Готовцева передала для публикации в «Северных цветах». Вяземский не был для Готовцевой первым проводником в литературный мир. К ее публикациям, помимо Ю. Н. Бартенева, были причастны А. А. Писарев, В. В. Измайлов, С. Е. Раич. Но именно Вяземский организовал ее заочную встречу с Пушкиным, переслав тому стихи Готовцевой: «Вот тебе послание от одной Костромитянки, а ты знаешь пословицу про Кострому. Только здесь грешно похабничать: эта Готовцева точно милая девица телом и душой. Сделай милость, батюшка Александр Сергеевич, потрудись скомпоновать мадригалец в ответ, не посрами своего сводника...» [Цит. по: Модзалевский, 1928, с. 316—318]. (Вероятно, имеется в виду пословица «Кострома — блудливая (веселая) сторона» [Даль, 1879, с. 419]).

В противовес мнению о том, что Пушкин ответил на это послание только из вежливости и по просьбе Вяземского, сошлемся на эпизод, непосредственно предшествовавший переписке о послании Готовцевой. В письме от 26 июля 1828 года из с. Мещерского Вяземский сообщал Пушкину о знакомстве с красавицей Всеволожской и просил: «Сделай милость, на эту тему напиши мне что-нибудь и на листочке формата письма моего: я обещал ей дать твоего письма в альбом, да пришли еще что-нибудь своего неизданного для того же альбома» [Цит. по: Модзалевский, 1928, с. 302]. Но на эту просьбу Пушкин ответил шутливым отказом. Ответ же Готовцевой, хотя и не сразу, был написан и напечатан.

Шутливо-фривольный тон письма Вяземского настраивает на восприятие послания Готовцевой в салонно-мадригальном духе. Так и относится к нему поначалу Пушкин, подхватывая эротическую аналогию о Сусанне и двух старых прелюбодеях, предложенную Вяземским. В письме к Дельвигу от середины ноября из Малинников обыгрывается образ постаревшего «прелюбодея». Поэт не прочь по совету друга «избаловать» юную девицу, вот только ему трудно «проломать мадригал». Культурные ассоциации смешиваются с житейскими, и жалоба на Софью Остафьевну используется как шутливое оправдание за неготовность заказанного мадригала [Пушкин, 1928, с. 56—57]. О содержании стихотворения Готовцевой здесь ничего не сказано. Намек относится к сюжету, придуманному Вяземским, а не к стихам костромской поклонницы как таковым. Однако уже в следующем письме (от 26 ноября) шутливый тон сменяется нешуточным раздражением. Создается впечатление, что только теперь Пушкин внимательно прочитал и обдумал стихотворное послание Готовцевой. «Вот тебе ответ Готовцевой (чорт ее побери) как ты находишь *ses petits vers froids et coulants* (<эти холодные и гладенькие стишки — *франц.*>) — Что-то написал ей мой Вяземский? а от меня ей мало барыша — Да в чем она меня и впрям упрекает — ? в неучтивостях ли противу прекрасного полу, или в похабностях, или в беспорядочном поведении? Господь ее знает» [Пушкин, 1928, с. 57—58].

Если первая реакция, выраженная в письме Дельвигу, — грубовато-насмешлива и вполне поверхностна, то второе письмо несет в себе следы не только досады, но и серьезной вовлеченности в некий внутренний спор. Заметим, что рассуждения об упреках в письме следуют за текстом ответного послания. Задача уже решена, ответ написан, но мысленный разговор с оппонентом не прекращается.

Раздражение поэта определенно выводит ситуацию за рамки салонной культуры. Известно, насколько Пушкин ценил остроумие женщин, даже содержащее критику в его адрес [Летопись ..., 1999, с. 354]. Упрек как элемент любовной игры, поддразнивания, флирта был бы ему при-

ятен. «Острое красное словцо — *la repartie vive* (живой остроумный ответ (фр.); здесь перевод наш. — *А. Р.*) — вот что несказанно тешило его. Впрочем, Пушкин увлекался не одними остротами; ему, например, очень понравилось однажды, когда я на его резкую выходку отвечала выговором: “*Pourquoi vous attaquez a moi, qui suis si inoffensive!*” (Зачем вы на меня нападаете, ведь я такая безобидная! (фр.)) И он повторял: “*Comme c'est reellement cela: si inoffensive!*” (Как это верно сказано: действительно, такая безобидная! (фр.)). Продолжая далее, он заметил: “*Da, с вами не весело и ссориться, voila votre cousine, avec elle on trouve a qui s'en prendre!*” (То ли дело ваша кузина, вот тут есть с кем ссориться! (фр.))» [Керн, 1989, с. 53].

Отвечать мадригалом на кокетливый упрек или выговор Пушкину было бы легко. Такого рода салонную игру мы наблюдаем, например, в стихах Пушкина и Вяземского, адресованных Е. Тимашевой, где намеки, шутки связаны с отношениями небольшого приятельского кружка и их «куртуазно-религиозная двусмысленность» [Фомичев, 1989] имеет исключительно салонный характер.

Конечно, Пушкин не был лично знаком с Анной Готовцевой, но личное знакомство с адресатом не имело существенного значения для решения поставленной перед ним артистической задачи. Мадригал часто вообще не оперирует реальным жизненным содержанием, не нуждается в нем [Гроссман, 1928, с. 115—129].

В случае с ответом Готовцевой «затруднения» поэта, вероятно, были связаны с невозможностью ответить на послание обычным куртуазным жестом, поскольку ее стихи ничего общего не имели с привычным и приятным для Пушкина светским остроумием, салонным поддразниванием и флиртом. Ее обращение к поэту и упрек имеют характер серьезный, а не шутливый, не игровой. Пушкину видится в послании Готовцевой нечто мучительно неясное. Размышляя над ним, поэт выстраивает градацию предполагаемых обвинений: «Да в чем она меня и впрям упрекает — ? в неучтивостях ли противу прекрасного полу, или в похабностях, или в беспорядочном поведении?» [Пушкин, 1928, с. 57—58].

На первый взгляд, в стихотворении Готовцевой ничего подобного нет. Она возражает лишь против некоего «несправедливого приговора». Но в пушкинском истолковании есть вполне определенная логика: неучтивость, похабности (непристойные слова, выражения) [СЯП, т. 3, с. 642] — внешнее, в поведении и слове, проявление безнравственности (беспорядочного поведения). В послании костромской поклонницы выражалось не только несогласие с каким-то мнением Пушкина («несправедливым приговором»). Указана была и причина этой несправедливости: «пятна на солнце», то есть нравственные несовершенства (ошибки, заблуждения, поро-

ки) поэта, «любимого небесами». Этот смысл Пушкин вполне справедливо вычитал из стихотворения, любезно переданного ему Вяземским.

С учетом намерения Вяземского и Дельвига опубликовать стихи Готовцевой в «Северных цветах», Пушкин не мог попросту отмахнуться от задевшего его вызова. Отвечать же по существу означало бы самому расшифровать и предоставить публичному обсуждению то, на что Готовцева лишь неясно намекнула. Резкая реакция Пушкина на ситуацию, в которую ставила его задуманная друзьями литературно-журнальная операция, понятна в контексте жизненных обстоятельств. Пушкин в это время находится под следствием в связи с дошедшей до правительства «Гавриилиадой» [Модзалевский, 1928, с. 299—301]. Одновременно он испытывает давление со стороны некоторых прежних друзей, обвиняющих его в низкоклонстве [Летопись ..., 1999, с. 336—448].

Ответ Катенину, написанный непосредственно перед ответом Готовцевой, вероятно, «истощил» на какое-то время способность Пушкина изящно парировать довольно ядовитые уколы, замаскированные под славословия и дружеские приветия.

Впрочем, Вяземский, спровоцировавший Готовцеву на стихотворный «картель» и слишком легко относившийся к неприятностям Пушкина, вскоре сам оказался в таких обстоятельствах, когда обвинения в «развратной жизни, недостойной образованного человека» заставили его всерьез думать о бегстве из России (см. письмо Вяземского А. И. Тургеневу от 14 ноября 1828 года [Остафьевский архив ..., 1899, с. 181—183]).

Затруднения с ответом на послание Готовцевой были Пушкиным скоро преодолены. Поэт предпочел не расшифровывать упрек, содержащийся в ее письме, и придать своему отклику тот вполне безопасный и лестный для Готовцевой мадригальный характер, который и был предложен Вяземским изначально.

Пушкинское стихотворение «Ответ» (или «Ответ А. И. Готовцевой» — так оно названо в оглавлении альманаха и в последующих изданиях стихотворений Пушкина) изящно и холодно. Подлинная эмоциональная реакция, известная нам по письму Пушкина к Дельвигу, косвенно отражена в начальных строчках: «*И недоверчиво и жадно / Смотрю я на твои цветы*» [СЦ 1829, с. 182]. Образ букета, в котором спрятана отравленная игла, или цветочной корзинки, где притаилась змея, невольно возникает в воображении читателя. Но от разгадывания «недосказанного упрека» лирический герой уклоняется, по-рыцарски предоставляя даме право не объяснять, на что она гневается, и стараясь искупить неведомую вину изысканным комплиментом. Связывая гнев собеседницы (которого в послании Готовцевой не было) со злословием против женщин (то есть «неучтивостями против

прекрасного полу»), автор и это обвинение отводит от себя, приписывая «предательское злословие» условному «зоилу». В итоге поэт из обвиняемого превращается в арбитра в куртуазной тяжбе красавицы и ее хулителя: *«Любви безумством и волненьем / Наказан был бы он; а ты / Была всегда б опроверженьем / Его печальной клеветы»* [Там же].

Задуманная Вяземским операция осуществилась: стихотворение «Сусанны»-Готовцевой было опубликовано в «Северных цветах на 1829 год» буквально между стихотворными комплиментами двух литературных «старцев»: Пушкина и Вяземского [СЦ 1829, с. 178—182]. В поэтической дуэли как будто была поставлена точка. Из литературной новости она постепенно становилась фактом истории литературы.

Прямых упоминаний о костромской поэтессе в наследии Пушкина больше нет. Кажется, «отделавшись» от ее претензий дежурным мадригалом, поэт постарался эту историю поскорее забыть. Но как скоро упрек провинциальной поклонницы на самом деле исчез из памяти Пушкина? Оставил ли он еще какой-то след в его творчестве?

Из воспоминаний А. Н. Вульфа известно, что послание Готовцевой обсуждалось в кругу знакомых Пушкина в начале 1829 года: «В Крещение приехал к нам в Старицу Пушкин, “слава наших дней, поэт, любимый небесами”, — как его приветствует костромской поэт, госпожа Готовцова» [Вульф, 2016, с. 94].

Напоминала о Готовцевой и разгоревшаяся в журналах война по поводу «Отрывка из письма А. И. Г<отовцев>ой» князя Вяземского [Пушкинская энциклопедия ..., с. 475, 577].

Выражение из послания Готовцевой, процитированное Вульфом, Пушкин через несколько лет использует для характеристики графа Хвостова в «Медном всаднике»:

Граф Хвостов,
Поэт, любимый небесами (выделено нами. — А. Р.),
Уж пел бессмертными стихами
Несчастье Невских берегов [Пушкин, 1987, с. 19, 268—269].

Этот пушкинский «плагиат», кажется, до сих пор никем не отмеченный, свидетельствует о том, что послание Готовцевой, доставившее Пушкину несколько неприятных минут, не было им забыто.

Более того, он указывает на то, что причиной раздражения поэта было не только упрек, но и собственно комплимент. Строчка из стихотворения Готовцевой в воспоминаниях А. Вульфа звучит с оттенком иронии, а в поэме и вовсе наполняется сарказмом. Это заставляет предположить, что, вопреки формальному завершению стихотворной перепалки, внутренний диалог Пушкина с Готовцевой не закончился с публикацией «Северных

цветов на 1829 год». Вопросы, заданные провинциальной поклонницей, возникали снова и требовали не мадригального ответа.

Диалог с Готовцевой «по существу» вышел за рамки конкретной журнальной публикации и продолжился в широком пространстве самой жизни. В этом сходство «Ответа А. И. Готовцевой» с «Ответом Катенину» («Напрасно, пламенный поэт...») и стихами к митрополиту Филарету («В часы забав иль праздной скуки...»).

Но если причины «задиристых» обращений к Пушкину его современников-мужчин достаточно хорошо изучены и разъяснены, то обстоятельства, вызвавшие к жизни недосказанный упрек Анны Готовцевой, определяются лишь предположительно.

3.3. Истолкование послания А. И. Готовцевой к Пушкину: обзор

Интересно, что среди близких Пушкину людей никто не дал разъяснений «темным местам» в послании Анны Готовцевой. Вяземский, исполнивший роль посредника, мог из личной беседы с поэтессой знать, что она подразумевала, но прояснить ее упрек почему-то не пожелал. Ничего не написал об этом и Дельвиг. И. В. Киреевский позднее назовет ее послание «таинственным» [Киреевский, 1911, с. 72].

Еще более любопытно, что в журнальных откликах на «Северные цветы» 1829 года послание Готовцевой как будто окружено заговором молчания. Так, на страницах «Отечественных записок» П. П. Свиньин, ограничиваясь общей похвалой «Северным цветам», ни словом не обмолвился о своей землячке. [П<авел>.С<виньин>, 1829]. В журнале «Галатее» С. Е. Раича дается подробнейший разбор стихотворного отдела альманаха Дельвига, но для Готовцевой и здесь не нашлось ни строчки [Северные ..., 1929, с. 335—340]. (При этом в «Галатее» в течение 1829 года появятся четыре стихотворения Готовцевой, так что нельзя сказать, что ее выступление осталось незамеченным). Промолчал о ней на этот раз и «Дамский журнал», столь лестно отзывавшийся о прежних публикациях. Справедливое утверждение А. И. Роговой: «Претензии Готовцевой не были поняты современниками» [Рогова, 2017, с. 560], — пожалуй, можно заострить: современники как будто избегали даже попыток истолковать и расшифровать ее «таинственный упрек».

Исключением стал отзыв «Северной пчелы», не только одобрительный, но и весьма подробный: «При сем богатстве стихотворений читатели и Поэты извинят нас, что мы не взялись говорить о каждом в особенности. Этого не позволяет нам теснота листка Пчелы. Скажем только о необыкновенном, приятном явлении на Русском Парнасе. Мы находим в сем Альманахе стихотворения дамы, А. И. Готовцевой, в которых видим необыкновенное дарование, и в изложении пиитический язык нашего времени.

Превознося талант А. С. Пушкина, как мило упрекает его Сочинительница за... она не досказывает. Но мы догадываемся, что Поэт заслужил упрек за то, что героини его Поэм слишком *существенны*. Извинение Поэта столь же мило. Чтоб познакомить читателей наших с сим новым дарованием, мы выписываем послание А. И. Готовцовой к Пушкину». Далее текст стихотворения приведен полностью [Новые альманахи ..., 1829].

Справедлива ли была эта догадка или нет — оспорить ее никто из современников не пытался. В дальнейшем попытки истолкования стихотворения Готовцевой были связаны только с изучением пушкинского ответа, поводом к которому стало обращение костромички.

Стихотворение А. С. Пушкина «Ответ», адресованное А. И. Готовцевой, включается во все претендующие на полноту издания пушкинской лирики, начиная с прижизненного тома «Стихотворений Александра Пушкина» 1829 года, где оно напечатано с ошибкой в инициале адресата: «Ответ А. Н. Готовцовой» [Пушкин, 1829, с. 138—139]. Искажение инициала напоминает о том, что и сам Пушкин, и готовивший к изданию его «Стихотворения» П. А. Плетнев не были лично знакомы с провинциальной писательницей и ее отчества не помнили. Ошибка эта сохранялась в нескольких последующих изданиях [Пушкин, 1838, с. 167; Пушкин, 1855, с. 451—452; Пушкин, 1859, с. 386; Пушкин, 1880—1881, с. 251; Пушкин, 1882, с. 227—228; Пушкин, 1887а, с. 193].

Впервые инициал исправлен в издании сочинений Пушкина под редакцией П. О. Морозова. Здесь же в объяснительных примечаниях упоминалось о родстве А. И. Готовцевой с поэтессой следующей эпохи: «Анна Ивановна Готовцова, родная тетка известной писательницы Ю. В. Жадовской, помещала свои стихотворения в альманахах того времени» [Пушкин, 1887б, с. 55—56]. В эту пору уже не было в живых ни самой Анны Ивановны, ни ее более знаменитой племянницы.

Наиболее ранний научный комментарий к диалогу поэта и его поклонницы появился через четверть века в статье В. П. Гаевского «Дельвиг» в журнале «Современник» на 1854 год (примечания №№ 42—44). Здесь, цитируя приведенные выше письма Пушкина к Дельвигу и фрагмент послания Готовцевой, автор называет ее строки «странными и непонятными» и делает предположение: «Быть может, поводом к этим упрекам послужил отрывок из “Евгения Онегина” под заглавием “Женщины”, напечатанный в “Московском вестнике” 1827 года, (часть пятая, № XX, стр. 365—367). И помещенный в IX т. “Сочинений” Пушкина, стр. 161—163). или “Отрывки из писем, мысли и замечания”, напечатанные без подписи Пушкина в “Северных цветах” на 1828 год (стр. 208—226), и пропущенные в собрании его “Сочинений”. Пушкин, только из учтивости отвечавший на это стихотворе-

ние, очень затруднялся и медлил ответом, как видно из приведенных писем» [Гаевский, 1854, с. 25—26] (сохранена пунктуация источника. — А. Р.).

В следующем, 1855 году выходит второй том сочинений Пушкина, подготовленный П. В. Анненковым. В комментариях к пушкинскому «Ответу А. И. Готовцевой» издатель, не ссылаясь на В. П. Гаевского, повторяет его догадку. Кроме того, Анненков ошибочно предполагает, что две строки отточий в стихотворении Готовцевой — это пропуск, сделанный издателями альманаха «Северные цветы на 1829 год»: «В Послании своем, Г-жа Готовцева, после восторженных похвал: “О Пушкин! слава наших дней” выражает упрек Пушкину в следующем месте, из которого *были выпущены альманахом два стиха*» (курсив наш. — А. Р.). «Пропущенное место, вероятно, заключало упрек нашему автору за легкое понимание им женской способности оценивать изящное, что он выразил в своих мыслях и заметках, напечатанных в Северных Цветах на 1828 г. Впрочем, он мог относиться также и к отрывку из Евгения Онегина: “Женщины”, напечатанному в Московском Вестнике 1827 г., № XX.» [Анненков, 1855, с. 471—472].

Замечание Анненкова, в сущности, поразительно. Предполагая, что упрек в стихотворении был высказан прямо, Анненков рисует ситуацию совершенно абсурдную, ведь смысл последних строк послания как раз и заключается в нежелании порицать (*«Молчанье выразит укор»*), не говоря уже о том, что если бы пропуск был сделан издателем (Дельвигом), то ничто не мешало Пушкину узнать полный текст послания. Эти несообразности (как и неисправленная ошибка в инициалах) говорят лишь о том, что ни само послание, ни его автор не привлекли серьезного внимания биографа.

Все последующие издания в комментариях к стихотворению Пушкина «Ответ А. И. Готовцевой» более или менее развернуто повторяют замечания Гаевского и Анненкова, не приводя никаких оснований в подтверждение их догадки. См.: библиографические примечания [Пушкин, 1880—1881, с. 426], объяснительные примечания П. О. Морозова [Пушкин, 1887 б, с. 55—56], комментарии В. Я. Брюсова [Пушкин, 1919—1929, с. 281], комментарии М. Я. Цявловского [Пушкин, 1936, с. 763], комментарии Б. В. Томашевского [Пушкин, 1950, с. 492]. Коротко обосновать выбор двух пушкинских текстов, «обидевших» Готовцеву, попыталась лишь Т. Г. Цявловская: «И то и другое было напечатано незадолго до послания Готовцевой “А. С. Пушкину”» [Пушкин, 1959, с. 706].

Одно из наиболее полных сообщений о костромской поэтессе и обстоятельствах создания Пушкиным стихотворения «Ответ А. И. Готовцевой» дает Б. Л. Модзалевский в примечаниях к письмам Пушкина. Носодержание поэтического диалога ученый также иллюстрирует суждениями Гаевского и Анненкова [Модзалевский, 1928, с. 316—318].

А. И. Гессен дополняет историю поэтической «перебранки» наблюдением о том, что Пушкин ничего не ответил поклоннице по существу ее упрека [Гессен, 1965, с. 288—293]. В. Э. Вацуро в книге ««Северные цветы». История альманаха Дельвига — Пушкина» вписывает эпизод о Готовцевой в общую историю издания и подчеркивает роль Вяземского в литературной судьбе поэтессы, а повод, вызвавший к жизни ее послание, указывает уже без всяких оговорок и сомнений: «Когда “Северные цветы на 1828 год” достигли Костромы, Готовцева прочла в них пушкинские “Отрывки из писем, мысли и замечания” и в них — рассуждение о женщинах <...> Этот психологический и эстетический этюд вызвал естественное сопротивление, и Готовцева написала стихотворный ответ, комплиментарный, но тем не менее полемический, в виде послания к Пушкину. Заметим, что авторство отрывка не осталось для нее секретом, — не Вяземский ли просветил ее?» [Вацуро, 2004, с. 108—110].

Так предположение Гаевского и Анненкова, высказанное без какой-либо аргументации, мимоходом, постепенно обрело весомость просто в силу традиции и многократного повторения. Эта версия излагается в сборнике «Русские поэтессы XIX века» [Русские поэтессы ..., 1979, с. 239—240], в книге М. Ш. Файнштейна [Файнштейн, 1989, с. 145], в современном переиздании «Стихотворений Александра Пушкина» 1829—1835 годов [Сидяков, 1997, с. 554—555], в «Пушкинской энциклопедии»: «Наиболее вероятным представляется мнение В. П. Гаевского, поддержанное П. В. Анненковым, что укор Готовцевой был вызван двумя произведениями Пушкина, содержащими высказывания о женщинах...» [Рогова, 2017, с. 561].

Кажется удивительным, что за двести лет единственную гипотезу ни разу не пытались проверить, чтобы надежнее обосновать или скорректировать. Догадка первых пушкинистов и разумна, и убедительна. Возникает только один вопрос: почему такое простое объяснение не пришло в голову ни Киреевскому, ни самому Пушкину? Почему поэт, даже ответив на послание Готовцевой, продолжал спрашивать: «Да в чем она меня и впрямь упрекает?»

3.4. Гипотеза о «недосказанном упреке»

Противоречие между «непониманием» Пушкина и «пониманием» пушкинистов объяснимо. Поэт размышляет о смысле упрека, а комментаторы стремятся указать конкретный повод, этот упрек вызвавший. Пушкин, судя по всему, считает, что речь идет в целом о его позиции, которая могла выражаться в самых разных «неуचितностях» и «похабностях». Пушкинисты же слова «несправедлив твой приговор» понимают буквально, как указание на конкретную словесную формулу, определенный текст. Из пушкинских сочинений, опубликованных незадолго до стихотворной перепалки, извле-

кается то, что кажется максимально обидным для женщин. Так обретае-ся «та самая» формулировка: «Жалуются на равнодушие русских женщин к нашей поэзии, полагая тому причиною незнание отечественного языка: но какая же дама не поймет стихов Жуковского, Вяземского или Баратынского? Дело в том, что женщины везде те же. Природа, одарив их тонким умом и чувствительностью самой раздражительною, едва ли не отказала им в чувстве изящного. Поэзия скользит по слуху их, не досягая души; они бесчувственны к ее гармонии; примечайте, как они поют модные романсы, как искажают стихи самые естественные, расстраивают меру, уничтожают рифму. Вслушивайтесь в их литературные суждения, и вы удивитесь кривизне и даже грубости их понятия... Исключения редки» («Отрывки из писем, мысли и замечания» [СЦ 1828, с. 209]). Следует отдать должное первым комментаторам: Гаевский и Анненков все-таки сделали предположение о возможности и другого повода, упомянув об отрывке «Женщины» в «Московском вестнике». Постепенно вопрос о претензиях Готовцевой полностью свелся к этим двум текстам, а по преимуществу к процитированному фрагменту «Отрывков...». Не отвергая авторитетную гипотезу, необходимо все-таки объяснить, почему самому Пушкину и его современникам такая версия не представлялась очевидной.

«Неучтивости противу прекрасного полу», критика в адрес женщин, насмешки над женскими слабостями были расхожей монетой в русской периодике 20-х годов XIX века. Особенно часто они появляются в форме анекдотов, замечаний, отрывков. «Если найдете молчаливую женщину, постарайтесь узнать, не переодетый ли это мужчина. <...> Если бы у меня были дети, то я согласился бы охотнее иметь сыновей-глупцов, нежели дочерей с гением» [Мысли ..., 1829]. Жалобы на равнодушие женщин к отечественной литературе, незнание ими родного языка также отнюдь не редкое явление в периодике тех лет. Вот иронические новогодние мечты Ф. Булгарина: «Все женщины станут учиться отечественному языку в детских летах, а не вышедши замуж, и не будут принуждены спрашивать у слуг своих, как называется по-русски такая-то вещь» [Булгарин, 1827]. Женщин то хвалят за образованность, то уговаривают не перегружать себя ученостью: «...*Забудь нескромное желание, / Вредна ученость красоте. / Храня любезное незнанье, / Останься в милой простоте*» [О. План воспитания, 1827].

Внутри этого журнального потока пушкинские колкости в «Северных цветах» и «Московском вестнике» не выделялись ни особенной остротой, ни особенной резкостью. Более того, в литературе той эпохи почти невозможно провести грань между комплиментами в адрес прекрасного пола и высказываниями, которые современными исследователями в рамках гендерного подхода квалифицируются как «мизогинные» [Савкина, 1998]. Как говорит

русская пословица, «На каждый чих не наздравствуешься», следовательно, для того чтобы дама решилась на возражения, требовался очень серьезный повод, выходящий за рамки обычных журнальных перебранок.

Необходимо учесть и то, что в 1828 году литературная вражда Пушкина с прекрасным полом не была новостью для читателей и читательниц. Поэтические выпады Пушкина в адрес женщин не ограничивались пропущенными строфами из «Онегина». Их немало и в опубликованных главах романа в стихах. Чего стоят, например, строфы четвертой главы, вышедшей из печати в начале 1828 года:

*Поклонник славы и свободы,
В волненьи бурных дум своих,
Владимир и писал бы оды,
Да Ольга не читала их.
Случалось ли поэтам слезным
Читать в глаза своим любезным
Свои творенья? Говорят,
Что в мире выше нет наград.
И впрямь, блажен любовник скромной,
Читающий мечты свои
Предмету песен и любви,
Красавице приятно-томной!
Блажен... хоть, может быть, она
Совсем иным развлечена.* [Пушкин, 1828, с. 35].

Конечно, иронично обрисованным женским образам в романе противопоставлена Татьяна Ларина. Но и о ней сказано то, что провинциальная читательница вполне могла расценивать как «приговор» своим современницам: «Она поруски плохо знала, / Журналов наших не читала, / И выражалася с трудом / На языке своем родном» [Пушкин, 1827б, с. 31].

Пушкин, размышляя об упреках Готовцевой, не ищет единственную обидную строчку, поскольку прекрасно знает, что таких обидных строчек в его творениях можно найти множество. И сроки публикации тут не играют существенной роли.

Одним из самых строгих приговоров слабому полу можно считать строчки о женщинах в «Разговоре книгопродавца с поэтом».

*Стон лиры верной не коснется
Их легкой, ветреной души;
Нечисто в них воображенье:
Не понимает нас оно,
И, признак бога, вдохновенье,
Для них и чуждо, и смешно* [Пушкин, 1936, с. 375].

Этот отрывок содержит обе негативные характеристики женщин (легкомыслие и поэтическая глухота), которые повторяются порознь в «Женщинах» и «Отывках...».

«Разговор» был опубликован в 1825 году в качестве преамбулы к первой главе «Онегина». Пушкинские «неучтивости» тогда не остались незамеченными. Но в защиту дам выступил мужчина. Князь П. И. Шаликов, слегка задетый в «Разговоре», отвечал его автору стихотворным посланием «К Александру Сергеевичу Пушкину. На его отречение петь женщин». Пушкин здесь нарисован сибаритом, пресыщенным похвалами женщин и притворно отрекающимся от них (курсив и примечания П. И. Шаликова. — *А. Р.*).

*И наш любезный сибарит
Талантом, чувством, песнопеньем
Лишь только женщин отбранил* ¹¹
*Как вдруг невольно, с восхищеньем,
О ножках*² *— лучшей красоте
Роскошно-томного Востока,
Своей прелестнейшей мечте —
Воспомянув, в мгновенье ока
У ножек с лирою златой!..* [*К<нязь>. III<аликов>, 1825*].

По мнению автора, в пушкинских выпадах нет подлинной глубины, они вызваны обидой на измену одной женщины и потому несправедливы по отношению ко всем остальным.

*И тем не менее виновен
Бесценный Грациям Поэт,
Что против их подруг нескромен,
Несправедлив его обет!..
Тебе одна из них (быть может)
Неверной стала... горький час! [Там же].*

И все же, утверждает князь П. И. Шаликов, именно женщины наиболее достойны песнопений и похвал. Автор предрекает и реакцию дам на притворный гнев поэта. Женщины не рассердятся. Напротив, их хор прославит «вечную негу» творений Пушкина.

*И пой, и нравься лишь харитам,
Тобой пленяемым, поэт!
И будь подобен сибаритам
Вовеки негою стихов!
И олимпийских будут вечно*

1 См.: «Евгений Онегин», стран. XVII—XVIII.

2 Там же, стр. 25, 26, 27, 28.

Они веселием пиров!

Хор женщин слышу: «Будут вечно!» [Там же].

Итак, у послания Готовцевой есть текст-предшественник. А значит, он должен быть принят во внимание при рассмотрении ее стихотворного диалога с Пушкиным, состоявшегося три года спустя.

Вернемся к вопросу о том, что могло стало причиной или поводом для выступления Готовцевой именно в это время. Почему, вопреки обещанию Шаликова, одна из хора очарованных женщин решилась возразить своему кумиру?

В альманахе «Северные цветы на 1828 год», кроме анонимных «Отрывков из писем, мыслей и замечаний», были опубликованы также портрет Пушкина и его новая поэма. И вот как приветствовал это событие все тот же князь Шаликов: «Ежели бы Северные цветы как-нибудь и пострадали от северных морозов; то наше красное солнышко оживотворило бы их. Пушкин явился в сем Альманахе и своею особою, и с своими стихами — в портрете, чрезвычайно сходном, и с Поэмою, чрезвычайно забавною — но только для *мущин* (не говоря о других стихотворениях сего *благодарного* светила нашей поэзии). Эта Поэма — *Граф Нулин* — довольно» (курсив П. И. Шаликова. — *А. Р.*) [Об Альманахах ..., 1828, с. 90]. Подробнее о прижизненной рецепции «Графа Нулина» см.: [Лейбов, 2023, с. 63—72].

Итак, Пушкин является в новом альманахе с критикой в адрес женщин (анонимно) и (явно) с поэмою, главной героиней которой тоже является женщина. Русская женщина, современница. Подобно черкешенке и грузинке, она должна была воплотить в себе дух и нрав своего народа. По крайней мере, этого ожидают от Пушкина поклонники его таланта, восторженно принявшие «Кавказского пленника» и «Бахчисарайский фонтан». Что же являет им Пушкин, впервые обратившийся к русской действительности от экзотических картин?

Теперь мы можем справедливо

Сказать, что в наши времена

Супругу верная жена,

Друзья мои, совсем не диво [Пушкин, 1827 а, с. 18].

Наталя Павловна — кокетка, воспитанная на французских романах и модах, поверхностно образованная и внутренне пустая, случайно проявившая добродетель, но едва ли «супругу верная жена» — такою явилась впервые у Пушкина русская женщина-современница.

Соседство с «Графом Нулиным» (не принятое во внимание комментаторами) придает вес выпадам, содержащимся в «Отрывках...», выводит их из общего ряда журнальной болтовни, заставляет воспринимать и оценивать их на фоне этой поэмы, а в широком смысле и других произведений Пушкина.

Закономерно, что Гаевский и Анненков в своей догадке не смогли определиться с выбором, что именно обидело костромскую почитательницу Пушкина: обвинение женщин в поэтической глухоте или упрек им в пустоте и нравственной «легкости». В сущности, для Пушкина это лишь две стороны одной медали. «Чувствительность самая раздражительная», которой женщины, по мнению поэта, наделены от природы, заставляет их и поэзию воспринимать как средство, возбуждающее одну только поверхностную чувствительность, а еще чаще — чувственность. В «Графе Нулине» Наталья Павловна чуть не дремлет над нравоучительным романом, предпочитая ему драку козла с дворовой собакой. Зато разговор о д'Арленкуре и Ламартине становится прелюдией к самым смелым проявлениям кокетства: «*Проказница, — прости ей, Боже! / Тихонько графу руку жмет*» [Пушкин, 1827а, с. 10].

Кривизна суждений о литературе оказывается следствием и признаком нравственной ущербности. Это мнение художественно воплощается в героине «Графа Нулина», резонирует с прежними горькими обличениями «Разговора книгопродавца с поэтом» и оттеняет многие эпизоды романа «Евгений Онегин». Насмешки над дамами в «Отрывках...» сами по себе — не более чем заурядные журнальные колкости. Но в контексте «Графа Нулина» и первых шести глав «Евгения Онегина» тезисы о недоступности женщинам чистых сфер духовной жизни подкрепляются художественными образами Ольги Лариной и Натальи Павловны, олицетворяющими современную русскую действительность.

Не это ли сочла Готовцева «приговором» себе, своим современницам, провинциальному обществу, русской жизни в целом? Если это хотя бы отчасти так, то стоит ли удивляться, что облик любимого поэта для нее затмился? Солнечная символика, использованная Шаликовым, отзывается в упреке Готовцевой: «красное солнышко» не лишено пятен.

Косвенно подтверждает эту догадку и сам Пушкин. В Болдине осенью 1830 года он будет вспоминать: «Граф Нулин наделал мне больших хлопот. Нашли его (с позволения сказать) похабным, — разумеется, в журналах, — в свете приняли его благосклонно...» [Пушкин, 1964, с. 186]. Пушкин имеет в виду прежде всего статьи Надеждина. Но не случайно поэт использует ту же характеристику (*похабности, похабный*), что и в письме к Дельвигу по поводу упрека Готовцевой. Так Пушкин свидетельствует, что ее послание ассоциативно связано для него с «Графом Нулиным».

Сегодня нет необходимости отстаивать художественные достоинства «Графа Нулина». Но, желая понять упреки Готовцевой, следует посмотреть на творения Пушкина из ее эпохи, попытаться понять, как воспринимали их современники, не посвященные в масштабные творче-

ские замыслы Пушкина, не читавшие «Бориса Годунова», «Капитанской дочки», финальных глав «Онегина». Для них в 1828 году и образ Татьяны был еще загадочен, и духовный облик самого Пушкина — не вполне определен.

В связи с этим следует обратить внимание на подробный отклик именно «Северной пчелы», связавшей недосказанный упрек Готовцевой не с отдельными словами и замечаниями поэта, а с его героинями, «чересчур существенными». Журналист не договаривает, каких героинь Пушкина он имеет в виду, но его эпитет можно отнести и к неверной Земфире, и к ветреной Ольге, и даже к Татьяне Лариной, из-за страстной влюбленности по романическому образцу оказавшейся на грани падения. (О том, что логика развития образа героини и романа в целом не были в тот момент понятны не только обычному читателю, но и близким Пушкину и чутким литераторам, сохранилось немало свидетельств [Летопись ..., с. 309, 343, 346, 373]). Не говоря уже о вполне прозаической Наталье Павловне.

Итак, вполне вероятно, что не отдельные выпады и колкости в адрес женщин, но тот образ русской женщины, который выступал из новой поэмы Пушкина, характеризую и русскую провинцию, и в целом русскую действительность, мог показаться Анне Готовцевой «несправедливым приговором». Возразить поэту она решилась, вдохновляясь, возможно, не только советами Вяземского, но и примером князя Шаликова.

3.5. Послание А. И. Готовцевой: поэтика и этика

Шаликов, хотя и адресует стихотворение Пушкину, по большей части говорит о нем в третьем лице, лишь в финале прямо обращаясь к адресату: пой, нравься, будь подобен. Готовцева строит стихотворение как диалог с первой строки и до самого конца. Только в предпоследнем стихе личное и конкретное «*ты*» заменяется более общим: «*Мы гению простить умеем*» [СЦ 1829, с. 181].

Готовцева начинает послание реминисценцией из «Певца во стане русских воинов» Жуковского: «*О Пушкин! слава наших дней*» (у Жуковского: «*Раевский, слава наших дней, / Хвала! перед рядами / Он первый грудь против мечей / С отважными сынами!*») (курсив В. А. Жуковского. — А. Р.) [Жуковский, 1999, с. 230]).

Первые фразы стихотворения демонстрируют общность поэтического словаря Готовцевой и школы элегического романтизма: *восторг любви, сердца радость, тоска души, пыл страстей, мечты юности*. Недаром рецензент «Северной пчелы» отметил, что послание написано языком современной поэзии. Живость и легкость стихов создают эффект непринужденного излияния чувств. Гладкости стихотворного языка соответствует уверенное владение версификацией. Готовцева не допускает ритмических

сбоев, использует три и даже четыре одинаковых рифмы, чередует разные виды рифмовки.

Стихотворение Готовцевой написано не как личное послание. В первых строках задан высокий стиль, в котором возможно условное «*ты*» по отношению к незнакомому человеку. Тема послания Готовцевой шире, чем личное приветствие поклонницы кумиру. В похвалах, составляющих большую часть стихотворения, героиня описывает не свой личный опыт чтения Пушкина, а общее мнение о его творчестве:

*Кто не дивится вдохновеньям,
Игривой юности мечтам,
Свободных мыслей выраженьям,
Которые ты предал нам?* [СЦ 1829, с. 180].

Похвальная часть стихотворения своеобразно «закольцована» мотивом славы: «*О Пушкин! слава наших дней*» — «*Гласят поэту славы весть*». Неумолчная слава сопутствует поэту — любимцу небес, делая его героем «наших дней», уравнивая с героями 1812 года. Эти слова провинциальной поэтессы отражают атмосферу общего восторга, в которой поэт купался в первый год после возвращения из ссылки. Б. В. Томашевский охарактеризовал этот период как «эпоху мадригалов»: «В 1827 году Пушкин пользовался безусловным признанием и ни один критик не осмелился выступить открыто против него» [Томашевский, 1956, с. 634].

Стихотворение содержит и своеобразную ретроспекцию, отсылает к раннему творчеству Пушкина: «*Ты век наш на заре своей / Украсил дивными цветами*». Особое внимание поэтессы уделяет двум южным поэмам Пушкина:

*В неподражаемой картине
Ты нам Кавказ изобразил,
И деву гор, и плен в чужбине,
Черкесов жизнь в родной долине
Волшебной кистью оживил.
Дворец и сад Бахчисарая,
Фонтан любви, грузинки месть* [СЦ 1829, с. 180].

Сегодня может показаться анахронизмом такая характеристика Пушкина в 1828 году. Но Готовцева и здесь правдиво отражает ситуацию. В это время южные поэмы Пушкина переживали новый всплеск популярности. Выходят новые издания «Пленника» и «Бахчисарайского фонтана». В рецензии на постановку балета «Кавказский пленник, или Тень невесты» журналист пишет: «Нельзя не порадоваться быстрому разливу славы нашего любимого поэта А. С. Пушкина» [Летопись ..., 1999, с. 312].

Обращаясь к Пушкину, Готовцева везде использует местоимения *мы*, *нам* или обобщенно-личные конструкции. Подразумевает ли она женщин, восхищенных поэтом и обиженных им? Текст не дает оснований для такого суждения, хотя и не исключает его. *Мы*, *нас*, *нам* везде использовано в значении ‘читатели, публика, современники’. Интуитивно или намеренно поэтесса избегает конструкций, которые однозначно указывали бы на лирическую героиню-женщину. Если она и говорит от имени женщин, то при этом не выделяет их в какую-то особенную группу, не противопоставляет мужчинам. Женственность ее проявляется тоньше, в том числе в векторе читательского внимания. Так, восхваляя пушкинские поэмы, Готовцева называет не героев, а героинь. При этом и «*дева гор*», и «*грузинка*» предстают как воплощение духа определенного народа, культурной среды. Черкешенка — воплощение Кавказа, грузинка — средоточие и олицетворение Бахчисарая. (Она, а не чуждая этому миру Мария, выбрана поэтессой). Две страстные и сильные натуры, в жертву любви принесшие жизнь. Эти образы даны как свидетельство расцвета пушкинского гения.

Логика развития лирического сюжета к этому моменту вполне проявилась, инерция читательского восприятия требует описания следующих «волшебных картин» и новых героинь.

Холостая строка: «*Одно... Но где же совершенство?*» создает впечатление внезапного поворота или резкой остановки. Смысловой провал заменяет перечень новых творений поэта. Вместо очаровательных картин зияет пустота, нечто, от чего лирическая героиня словно бы «отводит глаза». Риторический вопрос уже содержит однозначный ответ: совершенство невозможно. И в поэте, любимом небесами, обнаруживается некий изъян. Не названный, он, тем не менее, настолько важен, что восторг лирической героини сменяется разочарованием и слабым утешением в виде прописной истины: «*В луне и солнце пятна есть!*» [СЦ 1829, с. 181].

Готовцева усиливает впечатление недосказанности двумя строками отточий. Умолчание, выраженное многоточием, сам Пушкин называл «шаликовским» приемом, прибегая к нему в «Кавказком пленнике» [Дрыжакова, 1995—1996, с. 276]. Но в 1828 году это может восприниматься не только как традиционная для романтической поэзии фигура умолчания, но и как мягкая пародия на многочисленные отточия в первых главах «Евгения Онегина». В них автор-повествователь нередко создает впечатление недосказанности, обрывающегося текста, как будто не хочет высказать читателю прямо свои мысли, утаивает от него нечто слишком личное. Такие фрагменты будоражат воображение, дразнят читателя, порой вызывают раздражение. Теперь этим приемом пользуется Готовцева. Недовольство в адрес Пушкина уже высказано, но причина его не названа, обозначена

пропуском строк — то ли вычеркнутых, то ли никогда не существовавших. (Ошибка Анненкова весьма показательна). Такая манипуляция читательскими ожиданиями «зацепит», раздосадует Пушкина. Но справедливости ради нужно признать, что Готовцева платит Пушкину его же монетой. В серьезности упрека благодаря этому появляется легкий оттенок иронии. Именно он делает банальное умозаключение о пятнах на солнце — актуальным и свежим.

Финальные строки стихотворения «А. С. П.» звучат совершенно иначе, чем первая часть: строго, сдержанно. В них нет ни картин, ни иносказаний, ни поэтических украшений. Глаголы и отглагольные существительные создают впечатление эмоционально-волевой насыщенности, внутренней динамики и напряженности сдержанных чувств.

*Несправедлив твой приговор,
Но порицать тебя не смеем:
Мы гению простить умеем —
Молчанье выразит укор* [СЦ 1829, с. 181].

Послание Анны Готовцевой отчетливо перекликается со стихотворением князя Шаликова, в нем также утверждается слава и популярность поэта, также звучит упрек в несправедливости (при этом слово *приговор* вместо *обет* создает более органичное и точное выражение: «*несправедлив твой приговор*»). Но в сопоставлении с посланием Шаликова самобытность ее обращения к Пушкину выступает еще ярче.

Если у Шаликова поэт несправедлив по отношению к обожающим его женщинам (отказываясь их воспевать, мстит всем за измену одной), то у Готовцевой речь идет о другом: приговор несправедлив сам по себе, то есть является ошибочным, ложным по отношению к истине. Причина этого — не просто негативный опыт, а в целом несовершенная человеческая природа. Следовательно, суть упрека не в том, что поэт кого-то обидел (женщин, например), а в том, что он отступил от истины, провозгласил нечто несправедливое, ложное, ошибочное.

Поэтика послания Шаликова ориентирована на античные образы: Олимп, музы, грации, хариты. Поэт изображен им как потребитель наслаждения (сибарит) и источник наслаждения. Пресыщаясь сам, он на время отнимает удовольствие у своих жриц. Но это лишь естественные колебания, так сказать, «поэтического организма». Воспоминание «о *ножках* — лучшей красоте» пробуждает поэта, и он продолжает производить словесный нектар для вечных олимпийских пиршеств.

Стихотворение Готовцевой изображает взаимоотношения поэта и публики в аспекте христианской этики. Гений, избранник небес, оставаясь великим, может быть неправым, несовершенным. Женщины (или читате-

ли, современники, публика), от имени которых говорит Готовцева, оставляют за собой право не соглашаться с поэтом, хотя и отказываются его порицать. Отказ от осуждения — требование христианской этики. Гений, как и всякий человек, подлежит Высшему суду и, как всякий человек, нуждается в прощении ближних. О готовности к прощению и заявляет лирическая героиня Готовцевой. Но молчаливый укор необходим как указание на заблуждение, ошибку, как проявление истинной христианской любви — милосердной, но не всеядной, не индифферентной, в отличие от славословий шаликовского женского хора.

Таков, как нам представляется, смысл беспристрастно прочитанного послания Анны Готовцевой.

Насколько уместно обращение к религиозному аспекту в истолковании вполне светского и даже отчасти салонного (включенного в салонную игру Вяземского) послания Готовцевой? Мироощущение поэта присутствует в каждом его творении независимо от стиля, жанра, конкретной цели высказывания, хотя и не всегда оно выражается так отчетливо и ясно, как в стихотворении Анны Готовцевой. Но для большей убедительности разумно обратиться к стихотворению, которое вместе с обращением к Пушкину Готовцева отдала в «Северные цветы». Это ее послание «К Ю. Н. Бартеневу» [СЦ 1829, с. 29—31]. Здесь Готовцева в полной мере раскрывает свой внутренний мир и личный духовный опыт. Не случайно вместо «*мы*» теперь звучит «*я*», а в обращении к адресату «*ты*» заменяется на «*вы*». Здесь подробно и глубоко раскрывается воздействие поэзии на женскую душу. Лирическая героиня вспоминает, как голос бессмертных творцов, пробуждая фантазии и мечты, достигал ее души и уносил к сфере высокого, то есть служил способом приобщения к духовной жизни. «*Я в храме мудрости душою отдыхала, / И сердца пустоту высоким заменяла*» [Там же, с. 30].

Н. Г. Коптелова, говоря о послании Анны Готовцевой Ю. Н. Бартенеvu, справедливо называет его «гимном наставничеству» [Коптелова, 2024, с. 53]. Но одновременно это и манифест мыслящего читателя. Здесь утверждается способность читательницы различать нравственно высокое и низменное, восхищаться творениями Гомера и Карамзина и отвергать сочинения «падших ангелов», чья слава вспыхнула и затмилась. «*И вы!.. Но с грустью я отвращаю взор, / От паших ангелов: их гений им укор; / Их слава, промелькнув, как грозная комета, / Затмила блеск звезды — и умерла для света!..*» [СЦ 1829, с. 30]. Падшие ангелы в стихотворении Готовцевой — очевидно, гении, не сумевшие достойно пронести высокое избранничество. Непонятно, имеет ли в виду поэтесса какие-то конкретные имена или образ падших ангелов абстрактен. Но несомненна лексическая и

структурная близость этих строк к укоризненному фрагменту из послания Пушкину. Мысль о человеческом несовершенстве гения, о способности избранника небес заблуждаться и дойти до полного падения объединяет стихотворения, адресованные Бартеневу и Пушкину. Можно сказать, что стихотворение «А. С. П.», начинаясь как комплимент, продолжается как размышление о судьбе Пушкина, чья слава сейчас «затмевает блеск звезд», но может оказаться столь же недолговечной. Пока еще темные пятна на лице любимого поэта видятся автору случайностью, временным «затмением». Но они уже вызывают тревогу о духовном пути Пушкина, о его судьбе в земной и вечной жизни. Лексика Готовцевой, весь образный строй ее послания восходит не только к стихам предшественников, но и напрямую к тексту Священного писания. «Но в те дни, после скорби той, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются» (Мк, гл. 13, ст. 24). Только с такой высоты, где речь идет не об уязвленном женском самолюбии, а об истине и вечности, возможно «прощать» несовершенства гению, не впадая в смешное сомнение: «...принципиально то, что, сохраняя в послании к Пушкину систему аксиологических координат, обозначенную в стихотворении, адресованном Бартеневу, Готовцева выражала свою творческую позицию по-женски деликатно и дипломатично. Она свела на нет пафос инвективы, которым были пронизаны строки о поэтах, названных ею «падшими ангелами», и в послании к Пушкину заменила их интонацией великодушной кротости, подчеркивая христианскую по своей природе способность женской души бесконечно любить и прощать...» [Коптелова, 2024, с. 52].

Послание к Ю. Н. Бартеневу служит ключом к «А. С. П.». Более развернутое, более обдуманное, оно в полной мере раскрывает высокий душевный строй Анны Готовцевой. Разделив два послания Готовцевой на страницах альманаха, издатели «Северных цветов» ослабили пафос ее обращения к Пушкину и затемнили смысл ее упрека не только для современников, но и для потомков. Едва ли им это удалось в полной мере. Хотя не исключено, что сделано это было вполне осознанно. Послание Готовцевой, понятое в его настоящем смысле, несло в себе действительно определенную опасность, угрозу для Пушкина. Разумеется, провинциальная поэтесса не предполагала этого и не могла об этом догадаться, но искушенные литераторы пушкинского кружка увидели эту опасность достаточно быстро. На фоне еще развивавшейся истории с «Гавриилиадой» и первых выпадов в адрес Пушкина из-за «безнравственности» графа Нулина таинственный упрек провинциальной поэтессы мог получить крайне невыгодное для Пушкина истолкование. Голосом Готовцевой говорила широкая публика, и она, недавно столь восторженная, высказывала разочарование, находила

в облике Пушкина «пятна». В интересах Пушкина и его друзей было «приглушить» этот голос. (Например, так поступили издатели со «Старой былью» П. А. Катенина, печатая ее без обращенного к Пушкину авторского посвящения, что затемняло содержащийся в стихотворении болезненный, а отчасти и опасный для Пушкина намек [Тынянов, 1929]). Возможно, поэтому откликов на великолепно задуманное Вяземским стихотворное трио оказалось так ничтожно мало.

Зато пронизательный и лукавый критик «Северной пчелы», очевидно, с недобрый умыслом приводит в газете полный текст послания Готовцевой. Ее искреннюю тревогу он превращает в тонкий «донос» на Пушкина, отказавшего своим героиням в духовной высоте, принизившего русских женщин. Явно Булгарин выступит в защиту «Графа Нулина» от обвинений в безнравственности [Северная пчела, 1828, № 4]. Но недаром пушкинский круг с недоверием отнесется к этому заступничеству. Неудивительно, что другие, более благожелательные к Пушкину журналисты постарались не заметить послания костромской поэтессы и что сам поэт не стремился продолжить заочное знакомство с нею, а стихотворному диалогу постарался придать максимально безопасный салонно-мадригальный вид. Поэтому его «Ответ» оказался ответом не столько Готовцевой, сколько князю Шаликову: *«О, сколько мук себе готовил / Красавиц ветреный Зоил, / Когда предательски злословил / Сей пол, которому служил!»* [СП 1829, с. 182].

Похвала «Северной пчелы» сыграла с Анной Готовцевой печальную шутку, поставив ее невольно в стан противников Пушкина в начинавшейся журнальной борьбе. Мадригальная эпоха уходила в прошлое: «Начиная с 1828 года в отношении к Пушкину в журналах определился ясный перелом и его произведения стали подвергаться мелочным и придиричвым нападкам» [Томашевский, 1956, с. 634].

Булгарин использовал искренний порыв провинциальной поэтессы в своих целях. Но не лучше поступил и Вяземский, адресовавший через несколько месяцев своей приятельнице в виде письма памфлет, предназначенный не столько ей, сколько враждебной литературной партии. Вероятно, оказавшись среди журнальной драки, столкнувшись с нравами почтенного сообщества литераторов, юная костромичка изрядно охладела к литературной славе. Ее душевный мир был слишком далек от кипящих страстей родной словесности.

4. Заключение = Conclusions

Анализ стихотворного диалога Пушкина и Готовцевой с учетом более широкого, чем ранее предлагалось, литературного контекста позволил прийти к следующим результатам.

Истолкование стихотворения А. И. Готовцевой «А. С. П.» получает глубину и достоверность в сопоставлении с другими посланиями костромской поэтессы и всем корпусом ее стихотворений в целом. В частности, такой подход помогает обнаружить религиозно-нравственную проблематику послания Пушкину.

Таким образом, история стихотворного диалога Пушкина с Готовцевой вписывается не в ряд мадригальных стихов, обращенных к дамам (к слову, в своей обстоятельной статье о пушкинских мадригалах Л. Гроссман и не упоминает «Ответ А. И. Готовцевой»), а в ряд стихотворных диалогов-«дуэлей» Пушкина с П. Катениным, И. Великопольским, митрополитом Филаретом. Анализ послания Готовцевой и ответа на него в этом контексте может стать предметом специального исследования.

Более пристальное рассмотрение историко-литературного контекста позволяет уточнить гипотезу об источнике замысла Готовцевой и причинах ее укориженного обращения к Пушкину. Не исключено, что разговоры с Вяземским о Пушкине, в которых, по собственному признанию, тот всячески старался «разгорячить» молодую собеседницу, стали стимулом для создания стихотворения Готовцевой, а выпады против женщин, содержащиеся в «Отрывках из писем мыслях и замечаниях», послужили конкретным поводом для ее высказывания. Однако материалом размышлений поэтессы могли стать и другие, достаточно многочисленные к тому времени высказывания Пушкина о женщинах (а может быть, и о читателях в целом), а главное — женские образы, которые смутили религиозно настроенную и нравственно чуткую девушку. Одной из причин обращения к Пушкину с упреком, вероятно, стало восприятие поэмы «Граф Нулин» как ложного, несправедливого изображения русской женщины и русской действительности.

Своим посланием Готовцева не только отвергала, но и фактически опровергала тот образ провинциальной барышни или барыни, который преобладал в пушкинских творениях на момент стихотворной перепалки и которому еще не был в полной мере противопоставлен образ Татьяны.

Стихотворный диалог с Готовцевой формально закончился публикацией пушкинского «Ответа» в «Северных цветах». Но письмо к Дельвигу, воспоминания А. Вульфа и готовцевский след в «Медном всаднике» говорят о том, что содержательно и по существу этот диалог продолжился. Косвенным ответом Готовцевой со стороны Пушкина в определенной мере можно считать комплимент в адрес дам-писательниц в рецензии на альманаха «Денница», где было напечатано письмо Вяземского «А. И. Г-ой» [Пушкин, 1964, с. 107], высказывания героев «Романа в письмах» о самобытности провинциальных барышень и их любви к литературе [Пушкин, 1995, с. 50], стихотворение «Мадонна», вписанное Пушкиным в альбом

покровителя Готовцевой Ю. Н. Бартенева [Модзалевский, 1911], а главное, образ Татьяны Лариной, чья русскость проявилась не в простонародном имени, а в духовной стойкости и нравственной чистоте.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГАКО — Государственный архив Костромской области. Ф. 56. Оп. 3. Д. 24. Коллекция метрических книг Костромской губернии. Копия с Метрических книг Богословской церкви, что на Каткиной горе, города Костромы, на 1870-й год и последующие за ним до 1876-го года. Л. 32, об. 33.
2. РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 46. Оп. 2. Ед. хр. 425. 18 л. Корнилова А. И. [урожд. Готовцева]. Стихотворения. Ф. 46. Оп. 2. Ед. хр. 503. 12 л. Корнилова Анна Ивановна (ур. Готовцева Анна Ивановна). "Я в храме мудрости душою отдыхала...", "В альбом" и др.
3. Булгарин Ф. В. Предсказания на 1827 год / Ф. В. Булгарин // Северная пчела : [газета]. — 1827 — № 3.
4. Булгарин Ф. В. Рассмотрение русских альманахов на 1828 год. I. Северные цветы. (Продолжение) / Ф. В. Булгарин // Северная пчела : [газета]. — 1828. — № № 3, 4.
5. Вульф А. Н. Дневник 1817—1842 годов. Любовные похождения и военные походы / А. Н. Вульф ; Предисловие, подг. текста и комм. Е. Н. Строгановой и М. В. Строганова. — Москва : АСТ, 2016. — 464 с. — ISBN 978-5-17-091620-7.
6. Вяземский П. А. Отрывок из письма к А. И. Г-ой / П. А. Вяземский // Денница, альманах на 1830 год : изданный М. Максимовичем. — Москва : В университетской типографии, 1830. — С. 122—134.
7. Вяземский П. А. Стансы (Анне Ивановне Готовцевой) / П. А. Вяземский // Северные цветы на 1829 год. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1828. — С. 178—179.
8. Галатея, Журнал литературы, новостей и мод, издаваемый Раичем. — Москва : в типографии Решетникова и Уткина, 1829. — С. 72—79.
9. Готовцева А. И. Стихотворения / А. И. Готовцева // «Прелестный дар, перо поэта...» Стихи А. Готовцевой и Ю. Жадовской. — Кострома : Губернский дом, 2005. — 128 с.
10. Даль В. И. Пословицы русского народа. Изд. второе, без перемен / В. И. Даль. — Санкт-Петербург, Москва : Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1879. — Т. 1. — С. 45—51.
11. Дамский журнал, издаваемый князем Шаликовым. — Москва : В Университетской Типографии, 1827. — № 9. — С. 8.
12. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем : в двадцати томах. Стихотворения 1797—1814 гг. / В. А. Жуковский ; Ред. О. Б. Лебедева и А. С. Янушкевич. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — Т. 1. — 760 с. — ISBN 5-7859-0038-6.
13. Керн А. П. Воспоминания. Дневники. Переписка / А. П. Керн ; сост., вступ. ст. и прим. А. М. Гордина. — Москва : Правда, 1989. — 489 с.
14. Киреевский И. В. О русских писательницах. (Письмо Анне Петровне Зонтаг) / И. В. Киреевский // Полное собрание сочинений. В 2 т. — Москва : Типография Императорского Московского университета, 1911. — Т. 2. — С. 65—75.

15. Князь Шаликов. К Александру Сергеевичу Пушкину (На его отречение пять женщин) / Князь Шаликов // Дамский журнал. — 1825. — № 8. — С. 68—69.
16. Краевед Павел Резепин... // Костромские ведомости : [газета]. — 1999. — 2 июня. — С. 6.
17. Мысли // Северная пчела : [газета]. — 1829. — № 4. — С. 110—113.
18. Мысли, характеры и портреты // Дамский журнал. — 1825. — № 10. — С. 152—154.
19. Новые альманахи на 1829 год. Северные цветы. (Окончание) // Северная пчела : [газета]. — 1829. — № 7.
20. Новья книги. Литературный Музеум на 1827 год, Владимира Измайлова (Окончание) // Северная пчела : [газета]. — 1827. — № 47.
21. О. План воспитания (Из Парни) // Московский вестник. — 1827. — С. 12—13.
22. Об Альманахах на 1828 год // Дамский журнал. — 1828. — № 2.
23. Остафьевский архив князей Вяземских. Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым 1824—1836. Издание графа С. Д. Шереметева / под ред. и с прим. В. И. Саитова. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1899. — Ч. 3. — С. 23—27.
24. Павел Свиньин. Взгляд на периодические издания и альманахи (продолжение) / Павел Свиньин // Отечественные записки. — 1829. — № 107. — С. 489—502.
25. Пушкин А. С. Граф Нулин / А. С. Пушкин // Северные цветы на 1828 год. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1827 год. — С. 3—18.
26. Пушкин А. С. Денница. Альманах на 1830 год, изданный М. Максимовичем / А. С. Пушкин // Полное собрание сочинений в 10 т. — Москва : Наука, 1964. — Т. 7. — С. 107—119.
27. Пушкин А. С. Евгений Онегин. Роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. Глава третья. — Санкт-Петербург : В типографии Департамента народного просвещения, 1827 б. — 189 с.
28. Пушкин А. С. Евгений Онегин. Роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. — Санкт-Петербург : В типографии Департамента народного просвещения, 1828. — 295 с.
29. Пушкин А. С. Медный всадник / А. С. Пушкин. — Ленинград : Наука, 1978. — 288 с.
30. Пушкин А. С. Опровержение на критики / А. С. Пушкин // Полное собрание сочинений в 10 т. — Москва : Наука, 1964. — Т. 7. — С. 166—198.
31. Пушкин А. С. Письма / А. С. Пушкин ; Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. — Москва — Ленинград : Государственное издательство, 1928. — Т. 2. — 580 с.
32. Пушкин А. С. Стихотворения. В 4 ч. / А. С. Пушкин. — Санкт-Петербург : В типографии Департамента народного просвещения, 1829. — Ч. 2. — 176 с.
33. Пушкин А. С. Сочинения. В 11 т. / А. С. Пушкин. — Санкт-Петербург : В типографии Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1838. — Т. 3. — 247 с.
34. Пушкин А. С. Сочинения с приложением материалов для его биографии, портрета, снимков с его почерка и с его рисунков, и проч. / А. С. Пушкин. — Санкт-Петербург : Издание П. В. Анненкова, 1855. — Т. 2. — 561 с.
35. Пушкин А. С. Сочинения. В 6 т. / А. С. Пушкин. — Санкт-Петербург : Издание Я. А. Исакова, 1859. — Т. 1. — 635 с.
36. Пушкин А. С. Сочинения. В 7 т. / А. С. Пушкин. — Санкт-Петербург : Издание книгопродавца Я. А. Исакова, 1880—1881. — Т. 2. — 452 с.
37. Пушкин А. С. Сочинения. В 7 т. / А. С. Пушкин. — Москва : Издание Федора Ивановича Анскаго, 1882. — Т. 2. — 434 с.

38. *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений. В 7 т. / А. С. Пушкин. — Санкт-Петербург : Издание В. В. Комарова, 1887 а. — Т. 2. — 335 с.
39. *Пушкин А. С.* Сочинения. В 7 тт. / А. С. Пушкин ; Изд. Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, под ред. и с объяснительными прим. П. О. Морозова. — Санкт-Петербург : Типография А. С. Суворина, 1887 б. — Т. 2. — 374 с.
40. *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений со сводом вариантов. В 3 т. И 6 ч. / А. С. Пушкин / Ред., вступ. статьи и комментарии В. Я. Брюсова. — Москва : Государственное Издательство, 1919—1920. — Т. 1. — Ч. 1. — 430 с.
41. *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений. В 6 т. / А. С. Пушкин ; Под ред. М. А. Цявловского. — Москва — Ленинград : Academia, 1936. — Т. 1. — 825 с.
42. *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений. В 10 т. / А. С. Пушкин. — Москва — Ленинград : Издательство Академии Наук СССР, 1950. — Т. 3. — 561 с.
43. *Пушкин А. С.* Роман в письмах / А. С. Пушкин // Полное собрание сочинений : в 17 т. — Москва : Воскресенье, 1995. — Т. 8. — С. 43—56.
44. *Пушкин А. С.* Собрание сочинений. В 10 т. / А. С. Пушкин. — Москва : Гослитиздат, 1959. — Т. 2. — 799 с.
45. *Пушкинская энциклопедия : Произведения.* — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2017. — Выпуск 3 : Л—О. — 640 с. — ISBN 978-5-4469-1196-7.
46. СЦ 1828 — *Северные цветы* на 1828 год. — Санкт-Петербург : В тип. департамента народного просвещения, 1827.
47. СЦ 1829 — *Северные цветы* на 1829 год. — Санкт-Петербург : В тип. департамента народного просвещения, 1828.
48. *Северные цветы* на 1829 год (Изданы бароном Дельвигом и О.Сомовым) СПб. 1828 (Окончание) // Галатея. — Москва : В типографии Решетникова и Уткина, 1929. — Ч. 1. — № 6. — С. 335—340.
49. СЯП — *Словарь языка Пушкина* : в 4 т. — Москва : Азбуковник, 2000. — Т. 3. — 1284 с. — ISBN 5-88744-026-0.
50. *Языков Н. М.* Anne Ивановне («Влюблен я, дева-красота...») / Н. М. Языков // Денница, альманах на 1831 год, изданный М. Максимовичем. — Москва : В типографии Августа Семена, 1831. — С. 94.

Литература

1. *Анненков П. В.* Примечания к стихотворениям Пушкина 1828 года / П. В. Анненков // Пушкин А. С. Сочинения, с приложением материалов для его биографии портрета, снимков с его почерка и с его рисунков, и проч. — Санкт-Петербург : Издание П. В. Анненкова, 1855. — Т. 2. — С. 468 — 474.
2. *Бочков В. Н.* Готовцева Анна Ивановна / В. Н. Бочков // Русские писатели. 1800—1917 : биогр. словарь. — Москва : Советская энциклопедия, 1989. — Т. 1. — С. 658—659.
3. *Бочков В. Н.* «Твой недосказанный упрёк» / В. Н. Бочков // Костромские спутники Пушкина : историко-художественные очерки. — Кострома : Губернский дом, 2002. — 175 с.
4. *Вацуро В. Э.* «Северные цветы». История альманаха Дельвига — Пушкина / В. Э. Вацуро // Избранные труды / Сост. А. М. Песков. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 824 с. — ISBN 5-94457-179-9.
5. *Гаевский В. П.* Дельвиг. Статья четвертая / В. П. Гаевский // Современник. — 1854. — Т. XLVII. — № 9. — С. 25—26.
6. *Гессен А. И.* «Несправедлив твой приговор...» / А. И. Гессен // «Все волновало нежный ум...» Пушкин среди книг и друзей. — Москва : Наука, 1965. — С. 288—293.

7. Гроссман Л. П. Мадригалы Пушкина / Л. П. Гроссман // Собр. Сочинений : в 4 т. — Москва : КН-ВО «Современные проблемы» Н. А. Столляр, 1928. — Т. 1. — 381 с.
8. Дрыжакова Е. Н. А. С. Пушкин и князь Шаликов / Е. Н. Дрыжакова // Новые безделки. Сб. статей к 60-летию В. Э. Вацура. — Москва : Новое Литературное Обозрение, 1995—1996. — С. 271—283.
9. Ивинский Д. П. Пушкин, митрополит Филарет, князь П. А. Вяземский и другие / Д. П. Ивинский // 225 : сборник статей к юбилею А. С. Пушкина / ред.-сост. : Д. П. Ивинский. — Москва : Р. Валент, 2024. — 232 с. — С. 61—118. — ISBN 978-5-93439-681-8.
10. Коптелова Н. Г. Бартеневский след в творчестве А. И. Готовцевой / Н. Г. Коптелова // Два века русской классики. — 2024. — Т. 6. — № 1. — С. 38—73. — DOI: 10.22455/2686-7494-2024-6-1-38-73.
11. Лебедев Ю. В. Анна Ивановна Готовцева / Ю. В. Лебедев, А. Н. Романова. // Литература Костромского края. Вторая половина XVIII — первая половина XIX века : учеб. пособие. — Кострома : Изд-во Костром. гос. ун-та, 2018. — С. 99—111. — ISBN 978-5-8285-0945-4.
12. Лебедев Ю. В. Готовцева А. И. / Ю. В. Лебедев // Кострома. Историческая энциклопедия. — Кострома : ООО «Костромаиздат — 850», 2002. — 416 с. — ISBN 5-94948-001-5.
13. Лейбов Р. Поэма Пушкина «Граф Нулин». Опыт комментированного чтения / Р. Лейбов. — Тарту : University of Tartu Press, 2023. — 162 с. — ISBN 978-9916-27-146-9.
14. Летопись жизни и творчества Александра Пушкина : в 4 томах. — Москва : СЛОВО / SLOVO, 1999. — Т. 2. — 457 с. — ISBN 5-85050-243-2.
15. Модзалевский Б. Л. Автограф «Мадонны» в альбоме Ю. Н. Бартенева / Б. Л. Модзалевский // Пушкин и его современники. Материалы и исследования. — Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1911. — Выпуск 15. — С. 21—26.
16. Модзалевский Б. Л. Альбом Юрия Никитича Бартенева / Б. Л. Модзалевский // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. — Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1910. — Т. 15. — Книга 4. — С. 200—221.
17. Модзалевский Б. Л. Примечания к письмам №№ 193—391 за 1826—1830 гг. / Б. Л. Модзалевский // Пушкин А. С. Письма / Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. — Москва — Ленинград : Государственное издательство, 1928. — Т. 2. — Письма, 1826—1830. — 580 с.
18. Пуряева Н. Н. «Библиографический каталог русским писательницам» С. В. Русова / Н. Н. Пуряева // Вестник Московского государственного областного университета. — 2018. — № 3. — С. 146—151.
19. Резепин П. П. Корнилова Анна Ивановна / П. П. Резепин // Островский и его костромское окружение : биобиблиографический словарь. — Санкт-Петербург : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2020. — 688 с. — ISBN 978-5-86007-956-4.
20. Рогова А. И. Ответ А. И. Готовцевой / А. И. Рогова // Пушкинская энциклопедия : Произведения. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2017. — Выпуск 3 : Л—О. — 640 с. — ISBN 978-5-4469-1196-7.
21. Розанов И. Н. Пушкин в поэзии его современников / И. Н. Розанов // Литературное наследство. — Москва : Журнально-газетное объединение, 1934. — Т. 16—18. — С. 1035—1042.
22. Романова А. Н. Душевный мир провинциальной читательницы в лирике А. И. Готовцевой / А. Н. Романова // Ученые записки НовГУ. — 2025. — № 1 (56). — С. 94—106. — DOI: 10.34680/2411-7951.2025.1(56).94-106.

23. Романова А. Н. Собеседница поэтов Анна Готовцева. К истории литературных отношений пушкинской эпохи / А. Н. Романова // Литература в школе. — 2020. — № 2. — С. 62—75. — DOI: 10.31862/0130-3414-2020-2-62-75.

24. Русские поэтессы XIX века / Сост. Н. В. Банников. — Москва : Советская Россия, 1979. — 256 с.

25. Савкина И. Л. Провинциалки русской литературы (женская проза 30—40-х годов XIX века) / И. Л. Савкина. — Wilhelmshorst : Verlag F. K. Gopfert, 1998. — 223 с.

26. Сапрыгина Е. В. Вступительная статья / Е. В. Сапрыгина // «Прелестный дар, перо поэта...» Стихи А. Готовцевой и Ю. Жадовской. — Кострома : [б. и.], 2005. — С. 3—18.

27. Сапрыгина Е. В. Иконография А. И. Готовцевой / Е. В. Сапрыгина // ОГБУК «Костромской музей-заповедник». Слуги времени. — Кострома : Костромаиздат, 2012. — 320 с.

28. Сидяков Л. С. Примечания / Л. С. Сидяков // Пушкин А. С. Стихотворения / Рос. АН. — Санкт-Петербург : Наука, 1997. — С. 458—623. — ISBN 978-5-02-026460-1.

29. Сурина Н. Русский Ламартин / Н. Сурина // Русская поэзия XIX века : Сборник статей под ред. и с предисловием Б. М. Эйхенбаума и Ю. Н. Тынянова. — Ленинград : «ACADEMIA», 1929. — 338 с.

30. Томашевский Б. В. Пушкин : Материалы к монографии / Б. В. Томашевский. — Москва — Ленинград : Академия наук СССР, 1956. — Книга 1. — 746 с.

31. Тынянов Ю. Н. Архаисты и новаторы, / Ю. Н. Тынянов. — Ленинград : Прибой, 1929. — 598 с. — ISBN 0-88233-869-2.

32. Файнштейн М. Ш. Вдали от столиц (О. П. Крюкова, А. И. Готовцева, А. А. Фукс) / М. Ш. Файнштейн // Писательницы пушкинской поры (историко-литературные очерки). — Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1989. — 175 с. — ISBN 5-02-027-925-0.

33. Фомичев С. А. Катерина Тимашева — поэтесса пушкинской плеяды / С. А. Фомичев // Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. ОЛЯ. Пушкин. комис. — Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1989. — Выпуск 23. — С. 152—157.

34. Французская элегия XVIII—XIX вв. В переводах поэтов пушкинской поры : Сборник / Сост. В. Э. Вацууро. — Москва : Радуга, 1989. — 688 с. — ISBN 5-05-001529-4.

35. Чупринова Н. В. Женское творчество в «альманашный период» русской литературы : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Н. В. Чупринова. — Москва, 2018. — 203 с.

Статья поступила в редакцию 19.05.2025,
одобрена после рецензирования 02.08.2025,
подготовлена к публикации 10.09.2025.

Material resources

About Almanacs for 1828. (1828). *Ladie's magazine*, 2. (In Russ.).

Bulgarin, F. V. (1827). Predictions for 1827. *Severnaya pchela: [newspaper]*, 3. (In Russ.).

Bulgarin, F. V. (1828). Consideration of Russian almanacs for 1828. I. Northern flowers. (Continued). *Severnaya pchela pchela: [newspaper]*, 3, 4. (In Russ.).

CC 1829 — *Northern flowers for 1829*. (1828). St. Petersburg: In the printing house of the Department of Public Education. (In Russ.).

Dahl, V. I. (1879). *Proverbs of the Russian people. second edition, without changes, 1*. St. Petersburg, Moscow: Edition of the bookseller-typographer M. O. Wolf. 45—51. (In Russ.).

- GAKO — *State Archive of the Kostroma region*. (In Russ.).
- Galatea, a journal of literature, news and fashion, published by Raich*. (1829). Moscow: In the printing house of Reshetnikov and Utkin. 72—79. (In Russ.).
- Gotovtseva, A. I. (2005). Poems. In: “*A charming gift, the pen of a poet...*” *Poems by A. Gotovtseva and Yu. Zhadovskaya Street*. Kostroma: Gubernskiy Dom Publ. 128 p. (In Russ.).
- Kern, A. P. (1989). *Memoirs. The diaries. Correspondence*. Moscow: Pravda. 489 p. (In Russ.).
- Kireevsky, I. V. (1911). About Russian women writers. (Letter to Anna Petrovna Sontag) In Kireevsky. In: *Complete works. In 2 volumes*, 2. Moscow: Printing House of the Imperial Moscow University. 65—75. (In Russ.).
- Ladie's magazine, published by Prince Shalikhov*, 9. (1827). Moscow: In The University Printing House. P. 8. (In Russ.).
- Local historian Pavel Rezepin ... (1999). *Kostromskiye Vedomosti: [newspaper]*. June 2. P. 6. (In Russ.).
- New almanacs for 1829. Northern flowers. (End). (1829). *Severnaya pchela: [newspaper]*, 7. (In Russ.).
- New books. Literary Museum for 1827, Vladimir Izmailov (Graduation). (1827). *Severnaya pchela: [newspaper]*, 47. (In Russ.).
- Northern flowers for 1829 (Published by Baron Delvig and Fr.Somov) St. Petersburg. 1828 (Ending). (1929). In: *Galatea, 1 (6)*. Moscow: In the printing house of Reshetnikov and Utkin. 335—340. (In Russ.).
- O. Plan of education (From the Guys). (1827). *Moskovsky vestnik*. 12—13. (In Russ.).
- Ostafievsky archive of the Princes of Vyazma. Correspondence of Prince P. A. Vyazemsky with A. I. Turgenev 1824—1836. The publication of Count S. D. Sheremetev*, 3. (1899). St. Petersburg: [b. i.]. 23—27. (In Russ.).
- Pavel Svinin. (1829). A look at periodicals and almanacs (continued). *Domestic notes*, 107: 489—502. (In Russ.).
- Prince Shalikhov. (1825). To Alexander Sergeyevich Pushkin (On his abdication to sing women). *Ladie's Magazine*, 8: 68—69. (In Russ.).
- Pushkin Encyclopedia: Works*, 3. (2017). Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. 640 p. ISBN 978-5-4469-1196-7. (In Russ.).
- Pushkin, A. S. (1827a). Count Nulin. In: *Northern flowers for 1828*. St. Petersburg: [b. i.]. 3—18. (In Russ.).
- Pushkin, A. S. (1827b). *Evgeny Onegin. A novel in verse. An essay by Alexander Pushkin. Chapter three*. St. Petersburg: In the printing house of the Department of Public Education. 189 p. (In Russ.).
- Pushkin, A. S. (1828). *Eugene Onegin. a novel in verse. An essay by Alexander Pushkin*. St. Petersburg: In the printing house of the Department of Public Education. 295 p. (In Russ.).
- Pushkin, A. S. (1829). *Poems. At 4 o'clock*, 2. St. Petersburg: In the printing house of the Department of Public Education. 176 p. (In Russ.).
- Pushkin, A. S. (1838). *Essays. In 11 volumes*, 3. St. Petersburg: In the printing house of the Expedition for the procurement of state papers. 247 p. (In Russ.).
- Pushkin, A. S. (1855). *Essays with the application of materials for his biography, portrait, photographs from his handwriting and from his drawings, etc.*, 2. (1855). St. Petersburg: Edition of P. V. Annenkov. 561 p. (In Russ.).
- Pushkin, A. S. (1859). *Essays. In 6 volumes, 1*. St. Petersburg: Edition of Ya. A. Isakov. 635 p. (In Russ.).

- Pushkin, A. S. (1880—1881). *Essays. In 7 volumes, 2*. St. Petersburg: Publishing house of the bookseller Ya. A. Isakov. 452 p. (In Russ.).
- Pushkin, A. S. (1882). *Essays. In 7 volumes, 2*. Moscow: Edition of Fyodor Ivanovich Anskago. 434 p. (In Russ.).
- Pushkin, A. S. (1887). *Complete works. In 7 volumes, 2*. St. Petersburg: Edition of V. V. Komarov. 335 p. (In Russ.).
- Pushkin, A. S. (1887). *Essays. In 7 volumes, 2*. St. Petersburg: Printing House of A. S. Suvorin, 1887, vol. 2, 374 p. (In Russ.).
- Pushkin, A. S. (1919—1920). *The complete works with a set of variants. In 3 volumes. And 6 hours, 1 (1)*. Moscow: State Publishing House. 430 p. (In Russ.).
- Pushkin, A. S. (1928). *Letters, 2*. Moscow — Leningrad: State Publishing House. 580 p. (In Russ.).
- Pushkin, A. S. (1936). *The Complete Works. In 6 volumes, 1*. Moscow — Leningrad: Academia. 825 p. (In Russ.).
- Pushkin, A. S. (1950). *The Complete Works. In 10 volumes, 3*. Moscow — Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 561 p. (In Russ.).
- Pushkin, A. S. (1959). *Collected Works. In 10 volumes, 2*. Moscow: Goslitizdat. 799 p. (In Russ.).
- Pushkin, A. S. (1964). Dennitsa. Almanac for 1830, published by M. Maximovich. In: *Complete works in 10 volumes, 7*. Moscow: Nauka. 107—119. (In Russ.).
- Pushkin, A. S. (1964). Refutation of criticism. In: *Complete works in 10 volumes, 7*. Moscow: Nauka. 166—198. (In Russ.).
- Pushkin, A. S. (1978). *The Bronze Horseman*. Leningrad: Nauka Publ. 288 p. (In Russ.).
- Pushkin, A. S. (1995). Novel in letters. In: *Complete works: in 17 volumes, 8*. Moscow: Sunday. 43—56. (In Russ.).
- RGALI — *Russian State Archive of Literature and Art*. (In Russ.).
- SC 1828 — *Northern flowers for 1828*. (1827). St. Petersburg: In the printing office of the Department of Public Education. (In Russ.).
- SNAP — *Dictionary of the Pushkin language: in 4 volumes, 3*. (2000). Moscow: Azbukovnik. 1284 p. ISBN 5-88744-026-0. (In Russ.).
- Thoughts, characters and portraits. (1825). *Ladie's Magazine, 10*: 152—154. (In Russ.).
- Thoughts. (1829). *Severnaya pchela: [newspaper], 4*: 110—113. (In Russ.).
- Vyazemsky, P. A. (1828). Stanzas (to Anna Ivanovna Gotovtsova). In: *Northern flowers for 1829*. St. Petersburg: [b. i.]. 178—179. (In Russ.).
- Vyazemsky, P. A. (1830). An excerpt from a letter to A. I. G—h. In: *Dennitsa, an almanac for 1830: published by M. Maximovich*. Moscow: At the University Printing House. 122—134. (In Russ.).
- Wolf, A. N. (2016). *Diary of 1817—1842. Love affairs and military campaigns*. Moscow: AST. 464 p. ISBN 978-5-17-091620-7. (In Russ.).
- Yazykov, N. M. (1831). Anna Ivanovna (“I am in love, virgo is beauty...”). In: *Dennitsa, almanac for 1831 the year published by M. Maximovich*. Moscow: In the printing house of August Semyon. P. 94. (In Russ.).
- Zhukovsky, V. A. (1999). *Complete works and letters: in twenty volumes. Poems of 1797—1814, 1*. Moscow: Languages of Russian Culture. 760 p. ISBN 5-7859-0038-6. (In Russ.).

References

- Annenkov, P. V. (1855). Notes to Pushkin's poems of 1828. In: *Pushkin A. S. Essays, with the application of materials for his biography, portrait, photographs from his hand-*

- writing and from his drawings, etc., 2. St. Petersburg: Edition of P. V. Annenkov. 468—474. (In Russ.).
- Bochkov, V. N. (1989). Gotovtseva Anna Ivanovna. In: *Russian writers. 1800—1917: biogr. Dictionary, 1*. Moscow: Soviet Encyclopedia. 658—659. (In Russ.).
- Bochkov, V. N. (2002). “Your unspoken reproach”. In: *Kostroma companions of Pushkin: historical and artistic essays*. Kostroma: Gubernskiy Dom Publ. 175 p. (In Russ.).
- Chronicle of the life and work of Alexander Pushkin. In 4 volumes, 2*. (1999). Moscow: SLOVO / SLOVO. 457 p. ISBN 5-85050-243-2. (In Russ.).
- Chuprinova, N. V. (2018). *Women’s creativity in the “almanac period” of Russian literature*. PhD Diss. Moscow. 203 p. (In Russ.).
- Dryzhakova, E. N. (1995—1996). A. S. Pushkin and Prince Shalikhov. In: *New trinkets. Collection of articles on the 60th anniversary of V. E. Vatsuro*. Moscow: New Literary Review. 271—283. (In Russ.).
- Feinstein, M. S. (1989). Far from the capitals (O. P. Kryukova, A. I. Gotovtseva, A. A. Fuchs). In: *Writers of the Pushkin era (historical and literary essays)*. Leningrad: Nauka Publ. Leningrad Publishing House. 175 p. ISBN 5-02-027-925-0. (In Russ.).
- Fomichev, S. A. (1989). Katerina Timasheva — poetess of the Pushkin galaxy. In: *Temporary Pushkin Commission, 23*. Leningrad: Nauka Publishing House. Leningr. publishing House. 152—157. (In Russ.).
- French elegy of the XVIII—XIX centuries. (1989). In: *In the translations of the poets of Pushkin’s time: a collection*. Moscow: Raduga. 688 p. ISBN 5-05-001529-4. (In Russ.).
- Gaevsky, V. P. (1854). Delvig. The fourth article. *Sovremennik, XLVII (9)*: 25—26. (In Russ.).
- Gessen, A. I. (1965). “Your sentence is unfair ...” In: *“Everything worried the gentle mind ...” Pushkin among books and friends*. Moscow: Nauka Publ. 288—293. (In Russ.).
- Grossman, L. P. (1928). Pushkin’s Madrigals. In: *Sobr. Works: in 4 volumes, 1*. Moscow: The book “Modern problems” by N. A. Stoltyar. 381 p. (In Russ.).
- Ivinsky, D. P. (2024). Pushkin, Metropolitan Filaret, Prince P. A. Vyazemsky and others. In: *225: collection of articles on the anniversary of A. S. Pushkin*. Moscow: R. Valent. 232 p. ISBN 978-5-93439-681-8. (In Russ.).
- Koptelova, N. G. (2024). Bartenevsky trace in the work of A. I. Gotovtseva. *Two centuries of Russian classics, 6 (1)*: 38—73. DOI: 10.22455/2686-7494-2024-6-1-38-73. (In Russ.).
- Lebedev, Yu. V. (2002). Gotovtseva A. I. In: *Kostroma. Historical encyclopedia*. Kostroma: Kostromaizdat — 850 LLC. 416 p. ISBN 5-94948-001-5. (In Russ.).
- Lebedev, Yu. V., Romanova, A. N. (2018). Anna Ivanovna Gotovtseva. In: *Literature of the Kostroma region. The second half of the XVIII — the first half of the XIX century: studies. stipend*. Kostroma: Publishing House of Kostrom State University. 99—111. ISBN 978-5-8285-0945-4. (In Russ.).
- Leibov, R. (2023). *Pushkin’s poem “Count Nulin”. The experience of annotated reading*. Tartu: University of Tartu Press. 162 p. ISBN 978-9916-27-146-9. (In Russ.).
- Modzalevsky, B. L. (1826—1830). Notes to letters № 193—391 for 1826—1830. In: *Pushkin A. S. Letters, 2*. Moscow — Leningrad: State Publishing House. 580 p. (In Russ.).
- Modzalevsky, B. L. (1910). Album of Yuri Nikitich Bartenev. In: *Proceedings of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences, 15 (4)*. St. Petersburg: Type. Imp. Academy of Sciences. 200—221. (In Russ.).
- Modzalevsky, B. L. (1911). Autograph of “Madonna” in the album of Yu. N. Bartenev. In: *Pushkin and his contemporaries. Materials and research, 15*. St. Petersburg: Type. Imp. Academy of Sciences. 21—26. (In Russ.).

- Puryaeva, N. N. (2018). “Bibliographic catalog of Russian women writers” by S. V. Russov. *Bulletin of the Moscow State Regional University*, 3: 146—151. (In Russ.).
- Rezepin, P. P. (2020). Kornilova Anna Ivanovna. In: *Ostrovsky and his Kostroma entourage: a bio-bibliographic dictionary*. St. Petersburg: DMITRY BULANIN. 688 p. ISBN 978-5-86007-956-4. (In Russ.).
- Rogova, A. I. (2017). The answer of A. I. Gotovtseva. In: *Pushkin Encyclopedia: Works*, 3. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. 640 p. ISBN 978-5-4469-1196-7. (In Russ.).
- Romanova, A. N. (2020). Anna Gotovtseva, the poet’s companion. Towards the history of literary relations of the Pushkin era. *Literature at school*, 2: 62—75. DOI: 10.31862/0130-3414-2020-2-62-75. (In Russ.).
- Romanova, A. N. (2025). The spiritual world of a provincial reader in the lyrics of A. I. Gotovtseva. *Scientific notes of NovSU*, 1 (56): 94—106. DOI: 10.34680/2411-7951.2025.1(56).94-106. (In Russ.).
- Rozanov, I. N. (1934). Pushkin in the poetry of his contemporaries. In: *Literary heritage*, 16—18. Moscow: Magazine and Newspaper Association. 1035—1042. (In Russ.).
- Russian Academy of Sciences*. (1997). St. Petersburg: Nauka. 458—623. ISBN 978-5-02-026460-1. (In Russ.).
- Russian poetesses of the 19th century*. (1979). Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ. 256 p. (In Russ.).
- Saprygina, E. V. (2005). Introductory article. In: “*A charming gift, the pen of a poet ...*” *Poems by A. Gotovtseva and Yu. Zhadovskaya Street*. Kostroma: [b. i.]. 3—18. (In Russ.).
- Saprygina, E. V. (2012). Iconography of A. I. Gotovtseva. In: *OGBUK Kostroma Museum-Reserve. Servants of time*. Kostroma: Kostromaizdat. 320 p. (In Russ.).
- Savkina, I. L. (1998). *Provincial girls of Russian literature (women’s prose of the 30—40s of the XIX century)*. Wilhelmshorst: Verlag F. K. Gopfert. 223 p. (In Russ.).
- Surina, N. (1929). Russian Lamartine. In: *Russian poetry of the XIX century*. Leningrad: ACADEMIA. 338 p. (In Russ.).
- Tomashevsky, B. V. (1956). *Pushkin: Materials for the monograph, I*. Moscow — Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. 746 p. (In Russ.).
- Tynyanov, Yu. N. (1929). *Archaists and innovators*. Leningrad: Priboy. 598 p. ISBN 0-88233-869-2. (In Russ.).
- Vatsuro, V. E. (2004). “Northern flowers”. The history of the Delvig — Pushkin almanac. In: *Selected works*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 824 p. ISBN 5-94457-179-9. (In Russ.).

*The article was submitted 19.05.2025;
approved after reviewing 02.08.2025;
accepted for publication 10.09.2025.*